

Вера Андреева

ГОСУДАРСТВО ДВОИХ

или где соединяются
параллели

Вера Андреева

**Государство Двоих, или Где
соединяются параллели**

«Издательские решения»

Андреева В.

Государство Двоих, или Где соединяются параллели /
В. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839381-5

Государства Двоих нет на карте. Его территория — это два компьютера по разные стороны Атлантики, раскаленные безостановочной перепиской, и отели в разных городах мира. Его население — двое людей, чей источник и поддержание жизни — друг в друге. Она — директор компании в Петербурге. Он — известный врач, много лет живет в Мексике. Их жизни идут параллельно друг другу без надежды когда-либо соединиться. Но любовь «перемещает атомы», сплетая пространство и время, где вершится совсем иная история.

ISBN 978-5-44-839381-5

© Андреева В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	7
3	10
4	16
5	17
6	18
7	20
8	23
9	28
10	35
11	39
Часть вторая	50
12	50
13	52
14	56
15	61
16	66
17	69
Часть третья	72
18	72
19	74
20	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Государство Двоих, или Где соединяются параллели

Вера Андреева

© Вера Андреева, 2017

ISBN 978-5-4483-9381-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Вера въехала на Ушаковскую развязку, когда зазвонил телефон. Сердце дрогнуло в тревоге и надежде: в надежде услышать ответ и тревоге – вдруг он окажется отрицательным... Главное, не подавать вида, что для неё это важно.

– Привет, дорогой, – Вера старалась, чтобы её голос звучал беззаботно.

Муж звонил по другому поводу. Но в конце она не выдержала:

– Так что ты решил – поедешь или нет?

Он помнил о своём обещании – дать ответ до вечера, – но считал, что «пятнадцать минут погоды не сделают».

– Ладно, поговорим дома.

Телефон недовольно полетел на правое сиденье.

Ну что за манера – откладывать всё на потом? Издержки профессии? Расчёт на то, что часть вопросов рассосётся сама?

Ну вот... на Приморском опять пробка. Значит, не пятнадцать минут, а все тридцать. По правде говоря, Вера в глубине души любила пробки: не по её вине образовывалось время побыть наедине со своими мыслями.

Оскар Уайльд когда-то сказал, что любовь с первого взгляда чаще всего возникает между давними знакомыми. Восемь лет назад это высказывание было дословно применимо к Вере с Сашей: их роман расцвёл на почве весьма продолжительного знакомства.

А там, наверху, словно того и ждали: жизненная фабрика тут же заработала на полную мощность. Две бурно растущие фирмы, море друзей, научная работа, поездки и, конечно же, чудесный маленький Лёня.

А ещё там позаботились отделить их мир от окружающей, часто агрессивной и непредсказуемой, действительности чем-то вроде полупроницаемой мембраны. Мембрана эта пропускала лишь необходимую информацию, правильных людей и подарки судьбы. Во внешнем мире могли бушевать шторма чьих-то измен, ссор, финансовые кризисы, природные катаклизмы, болезни и даже смерть. Но всё это происходило бесконтактно, как в кино.

Была в этом и Сашина заслуга: во всех конфликтах он, по его собственному выражению, предпочитал «парить над схваткой». И Вера часто наблюдала, как он в беседе с клиентом, другом или даже врагом умел усмирить, успокоить, ободрить, найти нужный подход, перевести людей на свою сторону. Люди всегда улыбались, встречая его.

И Вера тоже улыбнулась, подходя к двери квартиры.

«Я должна его уговорить», – думала она.

2

Вера пыталась закрыть глаза на очевидное: уговаривать Сашу было почти бесполезно. Если он имел какие-либо причины не соглашаться, то уговоры могли вызвать лишь окончательное отторжение.

Но в сегодняшнем вопросе лимит ещё не был исчерпан. Тема поездки на конференцию поднималась пока только дважды: месяц назад в качестве ознакомительной информации и вчера перед сном – как предложение поехать вместе. Предложение это было сразу же отложено в стопку вопросов, ожидавших рассмотрения.

Эта стопка отложенных вопросов определяла Сашин стиль как в профессии, так и в семейной жизни. И бог бы с ней – Вера давно к ней привыкла, – но сейчас ей казалось, что тема поездки попала туда по ошибке.

– Тебе пора быть самостоятельнее. Ты доктор, едешь выступать с докладом. Для тебя это важно, и я не против. Но зачем там я?

– Но ты же всегда слушал мои доклады, поддерживал меня.

– Не забывай, где до сих пор твои конференции проходили – здесь или в Европе.

– Ты ездил со мной и в Штаты три года назад!

– Тогда у меня были для этого собственные причины. И потом, одно дело – США, и совсем другое – Мексика. Ты даже не представляешь, сколько туда лететь.

– Именно поэтому я и предлагаю заехать в Калифорнию.

– Нет, ты действительно не понимаешь, о чём говоришь. Погляди на карту. Какое «заехать»? Это же лишний крюк. И времени, и денег больше потратишь. Да и что делать в Калифорнии?

– Всего на три дня.

– Хорошо. Спрошу иначе: что делать в Калифорнии три дня?

– Мне бы очень хотелось побывать там снова. Юра нас примет – я уже разговаривала с ним. К тому же, неизвестно, будут ли другие поводы. А ты знаешь, как я люблю эти места.

– Может, и не будет других поводов, ну а сейчас – разве повод?

– Мы там встретимся с Юрой, и уже вместе полетим в Канкун. Так и веселее, и спокойнее.

– Кому спокойнее? Послушай, Вера. Я вижу, что ты уже всё продумала. Не лукавь. Не делай вид, что со мной советуешься. Я все твои уловки изучил.

– Ну конечно, тебе, как адвокату, положено судить по намёкам и оговоркам. Но и ты меня пойми. Мне ужасно хочется поехать.

– Боже мой! Вот истинная причина: «хочется». Знаешь, если бы ты была внимательнее, то уже поняла бы, что именно я пытаюсь тебе втолковать – *поезжай*. Я не против. А ты продолжаешь меня в чём-то убеждать.

– Я уговариваю тебя поехать вместе.

– Честно? Не вижу большой необходимости в своём там присутствии. На камеру твоё выступление и Юра снимет. У него это получится даже лучше, я уверен.

– При чем здесь камера и Юра? – Вера почувствовала, как краска обиды заливает лицо, – речь о нас с тобой. Но я всё поняла – больше не настаиваю.

– Верочка, не обижайся, милая, – Саша обнял её за плечи, – Просто поверь мне, будет лучше сделать так, как я тебе советую. Это всё твоя склонность к авантюрам заставила тебя подать тезисы доклада в Мексику. Хотя, как я понимаю, была возможность поехать и на Европейский конгресс. И ты сама знаешь, что это нерасчётливо. Но даже и в этом случае я ничего не имею против. Мне же там делать – ну нечего. И кто покроет мои издержки? В поездках я ведь не только трачу деньги, но ещё и не зарабатываю. Я и тебя-то отпускаю лишь потому, что ты уже вбила себе в голову...

– Так, ладно, всё, – Вере поморщилась, словно от боли. – Значит, завтра я подаю только свои документы на визу?

– Совершенно верно. И ничего страшного в этом нет.

Вере было обидно и грустно, и вопрос «есть тут что-то страшное или нет» она решила отложить до завтра.

По большому счёту, ей не стоило обижаться.

Мысль о том, что Саша прав и это действительно авантюра, постучалась в черепную коробку, когда Вера уже легла в постель. Саша засыпал быстро. Обычно и Вера едва успевала донести голову до подушки, как сон опрокидывал навзничь все мысли, пытавшиеся прорваться в область сознания. Но сегодняшний тяжёлый день, нехарактерная для мая жара и вечерний разговор с мужем заставили сон отступить.

Чувствовалось приближение белых ночей. Сумеречный свет делал выпуклыми все предметы в комнате и привлекал внимание бессонных глаз. Переводя взгляд с одного предмета на другой, Вера вдруг заметила альбом фотографий, сделанных в Америке три года назад. Она встала с постели, накинула халат и сняла альбом с полки.

С первой страницы, призванной быть визитной карточкой, на неё взглянул Юра. Сколько же они не виделись? Последний раз – два года назад, когда он приезжал в Петербург. На снимке он стоял рядом со своим калифорнийским домом, широко раскинув руки, на фоне зелени с одной стороны и гладкой стены дома с другой и улыбался белозубой улыбкой.

«Почему я поставила эту фотку в начале?» – задумалась Вера. Наверное, потому, что её впечатление от Калифорнии началось и сразу же наполнилось этим человеком. Вот здесь, в первый день приезда, он показывал им свой достраивающийся дом. Она вспомнила, как Юра тогда широко развёл руки и, словно собирая воздух вокруг себя и подбрасывая его вверх, сказал: «Ребята! Isn't it a dream?» Снимок запечатлел движение рук и солнечный блики на его фигуре и стенах дома.

Видимо, с этого момента Вера и «заболела»: открывающиеся через каждые двадцать шагов новые виды, маленькие олени, мелькающие среди живописных холмов, вспорхнувшая из-под ног дикая индейка (они одновременно вздрогнули от резкого движения крупной птицы и смеялись потом над своим испугом), калифорнийские маки, бесстрашные (видимо, никем не пуганные) голубые сойки – и всё это в солнечный майский день, когда холмы ещё зелёные. Конечно, избыточная роскошь пейзажей и впечатлений сделала своё дело. «Это будет vacation of your life», – почти будничным голосом обещал им Юра при встрече в аэропорту Сан-Франциско. И исполнил обещание.

За две недели они исколесили всю Северную Калифорнию. Russian hill, Cable cars, Fisherman's Wharf, Golden Gate Bridge, живописные холмы Bay Area, виноградники Napa Valley, изрезанная и непредсказуемая линия побережья с упрямыми деревьями, искорёженными никогда не утихающим ветром. Из последних сил они цеплялись за разрушающийся берег: казалось, что и у тебя самого выдувает и вымывает из-под ног землю, а из памяти – воспоминания о прошлой жизни.

Застывшие уголки рая смотрели на Веру с фотографий, как будто это было вчера. На одном дыхании пролистав альбом, Вера снова вернулась к первому снимку. Теперь, несомненно, Юра уже живёт в этом доме.

У Юры была непростая жизнь, и в свои сорок шесть он продолжает работать ещё более напряжённо, чем когда-либо. Интересно, часто ли он задумывается, что это была его мечта и что она осуществилась? Успевают ли он замечать всю эту красоту вокруг себя? Успевают ли почувствовать, что живёт в раю? Или эти моменты случаются в его жизни не чаще, чем те каникулы?

Перед их расставанием после проведённых вместе двух недель, напоённых удивительным общением, Юра признался: «А ведь и для меня это были лучшие в жизни каникулы».

Юрин приезд в Петербург два года назад напомнил Вере о калифорнийских впечатлениях. Но здесь она видела Юру в привычной для самой себя обстановке; про свою жизнь он рассказывал мало, в основном о работе и планах; большую часть времени они провели в операционной или на переговорах, и калифорнийское очарование лишь лёгким дуновением напомнило о себе.

И только провожая его в аэропорту, когда она увидела, как его спина скрылась за таможенным терминалом среди спин других иностранцев, улетающих восвояси, у Веры неожиданно и необъяснимо защемило сердце. «Он уезжает туда, к себе *домой*, а я остаюсь», – почему-то подумала она. Тем не менее ей довольно легко удалось стряхнуть с себя грусть. Мысли о собственных планах и о том, что у неё с детства любые проводы вызывали подобные падения настроения, успокоили и заставили забыть тот эпизод. «Оставаться всегда тяжелее, чем уезжать», – напомнила она себе.

«Почему мы больше не ездили в Америку?» – думала Вера, возвращая альбом на полку. Возможно, потому, что у Саши не стало поводов туда летать: его американский проект так и остался лишь в замыслах. Кроме того, было достаточно европейских конференций и в сфере Вериных интересов, да и ежедневная жизнь затягивала.

Надо же, как быстро пролетели три года. А что изменилось за это время? Вообще-то, много чего: у Веры набирает обороты её компания, у Саши – долгосрочные проекты с серьёзным заказчиком, сын проявляет всё новые и новые способности. А с другой стороны... Они виделись с Юрой, как будто вчера, и когда они встретятся, то всё будет так же чудесно, как три года назад. И, главное, она снова увидит Калифорнию.

Вера подошла к кровати. Саша спал глубоко и даже не шевельнулся от её прикосновения. Наверное, устал. Да и хорошо, что он спал – не хотелось ей будить мужа.

«Почему мне-то не спится? Завтра рано вставать».

3

Незадолго до начала Ленинградской блокады семья Вольманов была эвакуирована в Новосибирск. Юриной матери тогда было шесть лет, её брату – четыре. В Новосибирске на их родителей довольно быстро составили «дело» и отправили по этапу: стране нужна была квалифицированная рабочая сила на энергетических и военных производствах, благо отец был доцентом и опытным инженером.

Их детям угрожал детдом. Но каким-то чудом их бабушке удалось добиться опекуна. Вскоре умерла другая её невестка, и она стала опекуном ещё двух своих внуков. После войны родителей отпустили, но без права возвращения в Ленинград, так что они продолжили работать в Новосибирске и растить четверых детей.

Время шло. Брат Юриной матери с отличием окончил институт и через четыре года эмигрировал в США, создав тем самым большие проблемы для оставшихся на Родине родственников.

Юра помнил своего дядю плохо: было ему девять лет, когда тот уехал, но, несмотря на очевидные трудности, в семье переносили их безропотно, никто дядю не попрекал. Со временем, когда Юра уже поступил в медицинский институт, у них с матерью произошел короткий тихий разговор. Оказывается, брат выслал ей приглашение. Пылкий юный нрав и видимые только его неискушённому взору перспективы на Родине заставили Юру категорически отвергнуть идею отъезда.

Начались студенческие годы, полные радостей молодой жизни и надежд как на всеобщее, так и на персональное «светлое будущее». Юра шёл на красный диплом, по отцу он был Иванов, и ничто не предвещало беды. Жизненная формула сложилась у талантливого и обаятельного парня быстро: надо трудиться с утра до вечера, а если получается – то и по ночам, надо знать и уметь больше других и не останавливаться на достигнутом.

Ещё на первых курсах он записался в студенческое научное общество, целыми днями пропадал в лаборатории, практически написал докторскую диссертацию своему научному руководителю по новой и модной в те годы научной тематике. Статью он решил акушером-гинекологом.

Его любили девушки и преподаватели, у него было много друзей, он занимался теннисом, лучше всех учился, одну за одной публиковал научные статьи в серьезных журналах. Его фамилия стояла на первом месте в длинном списке кандидатов в кафедральную клиническую интернатуру. Наконец, пришло время распределения.

И тут Юру вызывает «для разговора» его научный руководитель. Как родная мать, она пестовала своего любимца все последние годы. Вид у неё был растерянный, цвет лица зелёный. Её интересовало следующее:

- Кто такой Илья Вольман?
- Это мой дядя, – был единственно возможный и известный им обоим ответ.
- А где он сейчас?
- В Америке.

На этом «разговор» закончился. И начался истерический монолог перепуганной женщины, суть которого сводилась к Юриному «вероломству», позволившему ему столько лет скрывать чудовищную свою личину и покрывать «изменника Родины». Как удалось понять Юре из этого монолога, основная претензия состояла в том, что он не рассказал об «американском дядюшке» несколько лет назад. Это, видимо, следовало сделать в первую минуту после знакомства с научным руководителем. А теперь из-за его «подлого» поступка несчастная женщина очень бледно смотрелась на учёном совете, когда чересчур активно выдвигала Юрину кандидатуру. Её даже пристыдили товарищи из парткома.

В интернатуру, разумеется, Юру не взяли. Вместо него вожделенные кафедральные места были отданы двум тихим девочкам, о которых до этого никто ничего не слышал ни на потоке, ни в студенческом научном обществе, но положение чьих отцов делало их заслуги необязательными. Этим закончилась Юрина обещавшая стать блистательной кафедральной карьера. В документах по распределению двусмысленности не было: новоявленный доктор направлялся в посёлок в четырёхстах километрах от Новосибирска. Это был даже не райцентр.

Такой поворот судьбы Юра переживал тяжело, но, к счастью, недолго. Он отправился в Комитет здравоохранения и попытался выяснить, есть ли возможность перераспределиться хотя бы в городскую интернатуру. Однако его нежелание работать в глубинке вызвало бурю праведного негодования председателя Комитета. Юра ушёл, не получив ответа на свой вопрос, но зато выслушав лекцию о том, как почётно работать на благо страны, вскормившей и обучившей тебя. Вечером он уже сидел в библиотеке и читал Трудовое законодательство, одна из статей которого гласила, что если младший из супругов заканчивает институт и становится специалистом, его можно распределить только по месту работы старшего супруга.

Через неделю на выпускном вечере он познакомился с подругой своего приятеля – выпускницей строительного института. Она была на год его старше и уже год как работала в Новосибирске. Отзывчивая девушка вошла в положение неотразимого юноши и в тот же вечер с благословения приятеля они решили зарегистрировать брак. Единственным её условием было не сообщать об этом её матери. Того же, впрочем, хотел и Юра. Через месяц они расписались в районном ЗАГСе, и на следующий день Юра стучался в знакомую комитетскую дверь, только уже не с глупыми вопросами, а со свидетельством о браке и заявлением в руках.

Можно себе представить реакцию председателя Комитета. Брызжа слюной, тот вспомнил все прегрешения сынов Израилевых в мировой истории, но заявление был всё-таки вынужден принять. Вскоре Юра получил новое место работы. Однако Родина оказалась по-иезуитски изощрённое еврейского юноши: это был фельдшерский пункт в восьмидесяти километрах от Новосибирска, сушая дыра. Претензий, однако, быть не могло – административно эта дыра относилась к городу.

Вышло так, что Юрина борьба за справедливость вывела его к той же линии старта, с которой он начинал, но уже закалённого и готового к дальнейшей борьбе. Фиктивный брак закончился настоящим разводом: ребята «потеряли» свои паспорта и получили новые, чистые и красивые.

В Новосибирске доказывать уже было нечего и некому. Демонстрировать Родине свою профпригодность он решил в Риге. Столица Латвии была наиболее западным и в прямом, и в переносном смысле городом Союза. Они собрались туда с приятелем – таким же отчаянным парнем из строительного института. Мама, благословляя сына, достала из комода скопленные за многие годы сбережения – пятьсот рублей.

Итак, они ехали в своё «светлое будущее», которое уже не имело ничего общего со «светлым будущим советского народа». Первое, с чем они столкнулись в Риге, когда попытались найти работу, это необходимость рижской прописки. Пустяк, казалось бы, но без него можно было забыть о трудоустройстве. Прописка стоила им аккуратно пятьсот рублей. Остались жалкие крохи, которые они разделили на ещё более мелкие части и тратили их на батон и бутылку молока в день.

Поселились они в сарае, безвозмездно предоставленном чьими-то приятелями, в пятнадцати километрах от города. По утрам, прежде чем приступить к дневным заботам, приходилось разбивать корку льда в умывальнике и соскребать иней с оконного стекла. Чтобы хоть как-то согреться, они включали на ночь электрообогреватель, но он требовал слишком много электроэнергии, и розетка начинала через два часа плавиться. Засыпая, ребята каждый раз гадали, что произойдет к утру – умрут ли они от холода или сторят вместе с заиндевшим

сараем. Так долго продолжаться не могло, поэтому единственным занятием в дневное время был поиск работы.

Приятель вскоре устроился слесарем в мебельный кооператив, и их меню слегка расширилось. Они даже стали иногда бывать в студенческой столовой рижского института. Для Юры же достойной работы никак не находилось. Акушеры-гинекологи, видимо, стране были не нужны. А если и были, то в радиусе больше пятисот километров от столиц и больше ста от райцентров.

Юра пытался теперь устроиться врачом по любой специальности. Наконец ему удалось убедить коллег из педиатрической клиники, что суточные дежурства, которые они раньше пытались продать друг другу, нещадно переплачивая за эту услугу, теперь можно продавать ему, Юре, за гораздо меньшие деньги. Коллеги педиатры были довольны. Юра тем более. Его оформили врачом детского отделения районной больницы.

Чтобы начать работать, нужны были более углублённые знания по педиатрии. Пару недель Юра провёл в публичной библиотеке над учебниками по детским болезням. Вскоре он приступил к своим обязанностям, и дело пошло. Им были довольны все – и начальство, и коллеги, и родители маленьких пациентов. Поэтому вскоре ему предложили перевестись на дневную работу. Юра согласился (а что было делать?), но буквально сразу выяснилось, что для этого необходимо пройти интернатуру по педиатрии, причем до следующего набора надо было ждать полгода, а потом ещё терять год интернатуры с той только целью, чтобы навсегда превратиться в педиатра. Такая судьба была не для него, и из больницы пришлось уволиться. Он хотел стать акушером-гинекологом. Теперь это стало ещё очевиднее.

Он начал посещать все конференции и заседания Латвийского общества акушеров-гинекологов. На заседаниях он вёл себя очень активно: участвовал во всех дискуссиях, проводя накануне по несколько часов в библиотеке и готовясь к обсуждениям. Его стали узнавать, завелись приятели. На одном из заседаний они его познакомили с главным акушером-гинекологом Риги. И Юра, набравшись наглости, попросил того помочь с работой.

И чудо таки свершилось – работа нашлась в санатории на побережье Балтийского моря, недалеко от Риги. Основная функция гинеколога санатория включала профосмотры и назначение физиотерапевтических процедур отдыхающим. Но там имелся аппарат УЗИ (новшество по тем временам), и Юра довольно быстро его освоил.

В санатории работали почти одни латыши, и все утренние конференции проходили на латышском языке. Все знали, что новый сотрудник на нём не говорит, но это не было достаточным поводом менять привычки. Порой даже казалось, что и вовсе наоборот.

Однажды главный врач обратился к сотрудникам с предложением, от которого нельзя было отказаться: требовалось раз в неделю готовить сообщения по различным медицинским темам, проводить что-то вроде небольших семинаров. Ответственного за это направление следовало определить в течение трех дней. Врачи переглядывались и тайком морщились – кому нужна дополнительная неоплачиваемая нагрузка? Стоит ли говорить, что Юра не воспользовался предложенными для раздумий днями, а сразу же выдвинул свою кандидатуру. Все вздохнули с облегчением.

Таким образом, Юра стал исправно готовить сообщения. Материалы он подбирал добросовестно и обещавшую быть скучной и лишней нагрузку превратил в познавательное событие. Кое-кто даже начал записывать его лекции. И вскоре как-то незаметно для всех утренние конференции стали проводить на русском, а коллеги, завидев Юру в коридоре, переходили с латышского на русский, чтобы и он мог включиться в беседу.

И всё вроде бы заладилось, кроме двух вещей: во-первых, физиотерапия и профилактические осмотры были однообразным, почти отупляющим занятием, в то время как Юра мечтал заниматься наукой и хирургией; а во-вторых, мало платили. Нехватка денежных ресурсов начала ощущаться с особенной силой, когда в Юриной жизни появилась Таня.

Познакомились они на теннисном корте, где Таня брала уроки тенниса, а Юра блистал в любительских матчах. Таня была красивой, слегка избалованной девушкой из хорошей семьи. Жизнь она вела более широкую и интересную, чем Юра со своим приятелем. Что, впрочем, не помешало ей по уши влюбиться.

Танины родители приняли Юру радушно. Уже было подано заявление в ЗАГС, началась подготовка к свадьбе.

Вот тут-то Юрин финансовый кризис и расцвел буйным цветом. Поиск решения привёл друзей к идее мебельного кооператива. Юрин приятель к тому времени снимал в Риге комнату, и в своём освободившемся жилище – сарае – они установили станки для мебельного производства.

Дело пошло успешно. В некоторые месяцы доход превышал пятьсот рублей. Но – вот беда – мебель была безнадежно скучна. Оказалось, что деньги в чистом виде не могли удовлетворить творческую Юрину натуру. Его привлекали новшества, манили свершения.

Недалеко от их сарая располагался совхоз. Юра где-то услышал про гидропонику – круглогодичное выращивание овощных культур на искусственной почве в специальных условиях – и решил предложить свои услуги по внедрению методики.

Как и что делать – не знал никто. Юру снова ждала библиотека, и он, доктор, провёл немало дней за книгами, настойчиво превращая себя в специалиста по сельскому хозяйству. Увы, книги не отвечали на все вопросы. Но где же раздобыть ноу-хау? С ящиком рижского бальзама Юра отправился в Москву на ВДНХ. Бальзам сработал: обратно Юра возвращался, везя с собой толстую папку с секретными чертежами. Казалось, всё теперь было в его руках. Но, как неоднократно потом демонстрировала жизнь, гладко бывает лишь в задумках. На сей раз эта закономерность проявилась отсутствием в совхозе достаточных энергетических мощностей. Оказалось, что подводимого газа было недостаточно, чтобы обеспечить новую технологию энергией. Поездки директора к каким-то чинам, реки рижского бальзама и бог знает что ещё – ничего не помогло.

Тем временем Таня не переставала уговаривать Юру вернуться в медицину. Ей хотелось, чтобы муж занимался любимым и благородным делом. Она уверяла его, что денежный вопрос как-нибудь образуется, а сейчас пока готовы помочь её родители. Но жизнь с родителями жены и зависимость от них меньше всего вдохновляли Юру. С другой стороны, Танины уговоры вернуться в медицину ложились на плодородную почву. Юра понимал, что получить работу на кафедре в Риге шансов у него нет. Надо было как-то действовать. И он принял решение: «Поехали в Новосибирск. Мне помогут найти там достойное место. Опыт работы у меня теперь есть, и дома мне будет легче устроиться».

Новосибирск встретил Юру, можно сказать, с распростёртыми объятиями. Знакомых было много, резюме у него было хорошее. Одна из женских консультаций недавно установила у себя ультразвуковой аппарат, а врачей с опытом работы не было. Так что Юра появился в нужное время. УЗИ позволяло неплохо зарабатывать. Благодаря профессионализму и умению общаться с людьми, Юра быстро снискал известность по городу. Беременные женщины хотели обследоваться только у него. Помогали и знания, полученные во время его студенческой научной работы. Однако кафедра, несмотря на тайные Юрины надежды, так и оказалась для него закрытой.

У Тани же дела пошли несравненно хуже. Как программист, она достаточно легко нашла работу в НИИ. Но у себя в столице она привыкла работать на современных компьютерах, а до глубинки эти новшества пока ещё не дошли, и работа с «реликтовыми» перфокартами стала настоящим откатом в её карьере. Столичная, амбициозная, умная Таня страдала от отсутствия перспективы и от разлуки с родителями. Но главные неприятности начались после того, как муж, встречая её с работы, заглянул к ней в отдел.

Кадровый состав отдела был представлен эдакими располневшими кумушками без определённого возраста, с серыми судьбами, пьющими мужьями и отсутствием даже намёка на личную жизнь. Неудивительно, что им нужны были виноватые во всех неудачах и поводы для бесконечных сплетен – единственной, видимо, их отрады. На роль таких «виноватых» лучше всего подходили люди с «неправильной» «пятой графой».

Сотрудницы отдела сразу заинтересовались судьбой красивой, молодой (и к тому же бесстыдно счастливой) рижанки. Для начала выяснили, что её мужа зовут Юрий Витальевич Иванов, что он акушер-гинеколог, и до поры сплетни утихли за неимением почвы. Но первое же появление красивого чужого мужа, оказавшегося на беду черноволосым, а к тому времени ещё и чернобородым, иными словами – несомненным евреем, сработало как детонатор. «Правильная» фамилия перестала работать на него, вызвав ещё большие подозрения в отношении её носителя. Тихий антисемитизм обернулся почти воинствующим. Кумушки сплотились на этой почве так, что на время позабыли даже о личной жизни начальства и сотрудниц из соседнего отдела. По сути, началась травля. Стоило Тане появиться на работе, как тут же заводили разговоры о «жидах», с обвинением их во всех бедах, приводили красочные примеры из жизни, обсуждали чьи-то отъезды. К слову, шёл 1987 год, и очередная волна эмиграции по своему размаху обещала побить рекорды прошлых лет.

Для Тани пребывание на работе превратилось в сущую пытку. Продолжаться долго так не могло, и в один прекрасный день она вызвала Юру к разговору: «Давай уедем обратно в Ригу – родители готовы нас принять, они уже встали в очередь на новую кооперативную квартиру. Там нам будет лучше». Юра помолчал несколько секунд и попросил пару дней на раздумье.

К этому разговору он вернулся сам, причём вечером того же дня, видимо, после беседы со своей матерью: «Таня, я согласен, что нам надо уехать. Только Рига – пройденный этап. Нам не будет там лучше. Если уж и ехать, то в Америку».

Таня была потрясена. Разговоры сотрудниц, обсуждавших отъезды евреев, невольно попадали к ней в уши. Но, как и сами сотрудницы, эти темы были для неё чуждыми. Происходило это неизвестно с кем, неизвестно как и неизвестно зачем. Таня не была готова к подобному развороту собственной жизни. Но Юра, похоже, решил всё за двоих. Его «предложение» сразу приняло принудительный характер и больше не обсуждалось. А Тане отводилась роль, в чём-то похожая на долю жены декабриста.

Началась подготовка к отъезду. Всё делалось тихо, незаметно для соседей и коллег по работе. Документы собирали по отдельности и с промежутками во времени, чтобы не вызвать преждевременных подозрений. Иначе последние месяцы на Родине могли превратиться в ад. Юрина мама подавала документы в одном пакете с ними: с Юриным отцом они давно были в разводе, но согласие на отъезд сына тот предоставил. Необходимо было также получить согласие на выезд от Таниных родителей. Это и стало поводом для последней поездки в Ригу. По телефону родителям ничего не сказали, кроме того, что ребята приедут к ним на некоторое время.

К приезду Юры и Тани родители готовились и при встрече светились счастьем. Они были уверены, что их дочь уговорила строптивого мужа (Юрин характер проявлялся все отчетливее и уже не был секретом для Таниных родителей) и дети окончательно переехали жить в Ригу.

Беседу Юра начал за праздничным столом, едва дождавшись, когда усядется хлопотливая теща. Узнав новость во всей её жестокой наготе, тесть уронил ложку в суп, резко встал из-за стола и вышел на улицу. Вернулся он только к ночи. Теща всё его отсутствие проплакала.

Выяснилось следующее: тесть быстрым шагом три раза обошёл вокруг дома (может, даже выпил пива в ближайшем ларьке, но об этом история умалчивает). Сделал он это для того, чтобы не нанести в пылу страстей телесных повреждений неуёмному зятю. Затем, слегка остыв, но не найдя ответов в себе, он направился напрямик к соседу своему и приятелю по фами-

лии Шапиро. Что именно сказал своему другу Шапиро, история, опять же, умалчивает. Говорили они долго и обстоятельно, но суть беседы сводилась к следующему: «Не будь дураком – дочери твоей повезло». Да, надо отдать должное Таниному отцу – лучшего советчика не мог он выбрать для такого случая. И спасибо Шапиро – его роль в дальнейшей Юриной судьбе не следует приуменьшать.

4

Получение визы оказалось процессом небыстрым. У Веры ушло на него больше месяца, тем более что требовалась виза как США, так и Мексики.

В консульство она ездила одна. Билет и отель заказывала через интернет, тщательно планируя маршрут. Как Саша и говорил, цены были безумные. А что если и правда Сан-Франциско исключить из маршрута? Пара исправлений на сайте бронирования билетов: да, так значительно дешевле. Но где тогда пересечься с Юрой? Стрелочка курсора в задумчивости замерла на экране. Видимо, придётся созваниваться с ним уже в Мексике, выяснять номер в отеле, подгадывать с датой. Хотя, конечно, всё это не главное. Главное – она не побывает в городе, очаровавшем её. Мышка вновь ожила, возвращая первоначальный маршрут.

Кроме того, у Веры имелась одна черта характера, идущая вразрез с остальными, довольно мягкими, чертами, – неспособность добровольно отказаться от рождавшихся в её голове стремительных решений. Упорство в реализации таких, зачастую авантюрных, идей носило почти патологический характер и было наиболее частым, хотя едва ли не единственным предметом Сашиного недовольства. Вот и сейчас: что мешало прислушаться к доводам рассудка и составить маршрут соразмерно своим доходам и основной цели поездки? Главная причина, вне всяких сомнений, была в том, что идея уже поселилась в Вериной голове и не давала ей покоя. Доводы рассудка вынуждены были отступить.

Вчерашний разговор с Юрой усугубил странное беспокойство и нетерпение: Юра сказал, что не всё идет так, как ему бы хотелось. В частности, в момент приезда Веры его жена, Таня, будет в командировке и поэтому, к сожалению, не сможет вместе с ними поехать в Мексику (изначально предполагалось совместить конференцию с небольшим отдыхом). Таня работала в крупной финансовой корпорации, и неожиданно возникла необходимость ехать куда-то на переговоры. Узнав, что и Саша не приедет, Юра совсем расстроился. К Саше он относился с большим уважением. Но почему-то Юрино расстройство показалось Вере обидным. То, что они, Вера и Юра, встретятся, тоже ведь имело какое-то значение, и почему бы радости от их предстоящей встречи не затмить грусть от того, что Саши и Тани с ними не будет?

Но главное, всё уже было решено, билеты куплены, встречи намечены и предстояло далёкое и приятное путешествие.

5

Перелёт через Атлантику – на редкость утомительное времяпрепровождение для пассажиров эконом-класса. Но не для Веры. Затекившие ноги, неудобное сиденье, боль в спине, плохой кофе и невкусная еда – всё это не имеет никакого значения, если каждое мгновение ты осознаешь, как всё дальше и дальше отступает Старый Свет, тает невидимый океан и как под тобой проносится, словно на школьной карте, пёстрый Американский континент.

Пункт назначения – совсем на краю Западного побережья, и когда следишь на экране за маленьким самолётиком, ползущим над схематической Америкой, кажется: вот сейчас он проскочит мимо и по инерции унесётся в Тихий океан. Но нет: самолётик на экране разворачивается, чтобы принять более удобную для приземления позицию вдоль побережья (теперь уж точно не проскочит), а реальный самолёт приступает к посадке. Пассажиры начинают просыпаться, к гулу двигателей примешивается гул голосов, уши словно набиты ватой, сердце ускоряет темп.

Оторвавшись от слежения за виртуальной картой, Вера прильнула к иллюминатору. Островок тумана на стекле, образовавшийся от дыхания, на миг ухудшил видимость. Вера слегка отстранилась, оставляя на стекле отпечатки лба и кончика носа, и улыбнулась этому забытому детскому ощущению от прилипания к окну. За очередной горной цепью наконец стала видна береговая линия. Белая пелена плотным покрывалом напозвала с океана на материк. «Haze», – смакуя понравившееся ещё в ту поездку слово, прошептала Вера.

Как и положено, над Сан-Франциско стояла дымка. А когда самолет погрузился в неё и быстро проскочил казавшийся сверху таким плотным покров, открылся залив с двумя линиями мостов, пересекавших его в разных направлениях. Самолет дважды сделал круг над живописным заливом – второй ниже первого, – как будто желая похвастаться своим пассажирам самобытной красотой города, дать возможность всем его рассмотреть.

Сегодня Вера была, наверное, самым благодарным зрителем. С каждым кругом, описанным лайнером, в её душе вздымалась новая волна чувств. И чем ниже опускался самолёт и чем отчётливее делались картины города и отдельных строений, тем сильнее эти чувства отзывались земным пьянящим восторгом. У Веры мелькнула мысль, что сходное ощущение жадного узнавания, на грани с *deja vu*, наверное, испытывают люди, когда возвращаются на Родину после долгого отсутствия.

Может, это и есть ностальгия? Кто сказал, что ностальгия бывает только по тем местам, где ты родился? Наверное, Вера имела дело с неким антиподом ностальгии – по тем местам, где ты мог родиться, но почему-то не родился, по чужой далёкой земле, которая ждала три года и честно дождалась, не изменившись и тем самым не предав твоих воспоминаний, как это зачастую случается с воспоминаниями юных лет, сохраняющими предметы, улицы и дома в гораздо более крупном и привлекательном виде, чем есть на самом деле, обрекая на разочарование всех, кто после долгих странствий возвращается к местам своего детства.

Но вот уже паспортный контроль и вопрос о цели Вериной поездки. Американский офицер кажется ей старым знакомым. «Business», – говорит Вера и скрывает невольную улыбку, возникшую от ощущения непонятного счастья (когда цель поездки деловая, так не улыбаются). И вот она, везя перед собой багаж, выходит в зал ожидания. Юра уже здесь. Он видит её и, нетерпеливо заканчивая несвоевременный телефонный разговор с кем-то из пациентов, уже улыбается и обнимает её. А через пять минут они несутся по системе эстакад и тоннелей прочь с территории аэропорта навстречу городу мечты.

6

Юра с Таней покинули СССР весной 1988 года.

Путь всех эмигрантов пролегал по известному маршруту: «Венская опера – Римские каникулы – Американская трагедия». Вена и Рим служили «перевалочными пунктами» для отбывающих из СССР в недружественные США. Там пересматривались документы, оформлялись новые бумаги. Как правило, люди «застревали» в Европе на неделю-две, и это, по правде говоря, были прекрасные дни, наполненные впечатлениями и ожиданиями.

Человек обычно имеет некое представление о тех местах, где собирается побывать. По очевидным причинам советские граждане знали о Европе мало. Однако про Вену почти каждый слышал, что она славится оперным театром. Поэтому, прибывая в Австрию, считали своим долгом посетить Венскую оперу. В театр шли даже те, кто и вовсе оперу не любил; это было что-то вроде традиции – отдавали дань тому единственному и скудному представлению о городе, которое имели. И действительно, если кому придётся рассказывать, что побывал в Вене, тебя обязательно спросят: «Ну и как там Венская опера?» И что это получится, если ты ответишь, что в опере не был? Вроде как: «Слона-то я и не приметил». Поэтому первая станция в маршруте ошавевшего от впечатлений эмигранта называлась «Венская опера». Стоит ли говорить, что Юра с Таней тоже там побывали? Одним из ярких эпизодов остался в памяти Юры вопрос одного мальчика: «Мама, а мы что, в сказку попали?» Да, это действительно была сказка. При этом не покидала мысль: «Как же нас обманывали...» Для Юры и Тани сказка длилась две недели, после чего их перевезли в Рим.

«Римские каникулы» получили своё название благодаря неминуемому праздному шатанию бывших советских граждан по Риму. Подготовка документов завершена, все бумаги поданы в нужные инстанции, и оставалось только дожидаться их получения, наслаждаясь красотами и климатом гостеприимной Италии. Однако в 1988 году эмиграция достигла такого невероятного размаха, что отведённая на «каникулы» одна неделя обернулась пятью... месяцами. Объяснялось это неспособностью бюрократического колеса, пускай даже и европейского, вращаться в таком немыслимом темпе. Разумеется, в формате «каникул» все пять месяцев проходить не могли, причём по очень банальной причине – материальное пособие не предполагалось платить так долго. Пособие было урезано настолько, что не хватало на еду, не говоря уже о передвижении по стране и посещении музеев. Возник финансовый кризис.

Были те, кто роптал и подавлял в себе естественные и культурные потребности, а были и другие, кто пытался искать работу. Разумеется, работу можно найти только неквалифицированную. Юра относился ко второй категории, и он не боялся и не стеснялся никаких занятий. «Ты должна прокатиться по Италии и всё посмотреть, раз уж мы здесь задержались, а я постараюсь заработать немного денег», – сказал он Тане и устроился чистить конюшни на местный конный завод. Это занятие принесло бесправному переселенцу приличный по советским меркам доход, а его жене дало возможность объездить большую часть Италии. Естественно, что он и слышать ничего не хотел о том, чтобы Таня тоже работала: «Твоя задача – совершенствовать английский, чтобы начать зарабатывать в Америке сразу, как только мы туда доберемся, тогда и я смогу учиться», – отвечал он жене.

«Американская трагедия» – это словосочетание стало понятно только по прибытии. Вожделенная Америка, такая долгожданная, взлелеянная и превознесённая в мечтах, краше которой ничего, казалось, и быть не могло, перед которой Вена и роскошный Рим должны были служить чем-то вроде тренировки восприятия, чтобы не онеметь от восторга, – эта Америка проваливала все ожидания.

Вена была прекрасна, Рим оказался ещё прекраснее. Доверяя тенденции, от Америки ждали, что она поразит, убьёт наповал своей красотой, богатством, роскошью и ещё Бог

весть какими чудесами, но вместо всего этого их встретила Филадельфия со скучным видом американского порта, не обременённого никакими смысловыми и культурными нагрузками, кроме собственно портовых функций и соответствующей инфраструктуры крупного города. К тому же это была конечная станция в их путешествии. Движение на запад было завершено, и новых впечатлений не предвиделось. Им выдали документы и обеспечили безнадёжно маленьким социальным пособием и жильём.

Разве таким представлялся итог всех мытарств? Перед ними должен был раскинуться океан с бесконечными возможностями и море свободы, а вместо них оказались лишь неизвестность и предоставленность самим себе. Странники вместо сказочного Эльдорадо попали в страну, где не было всемирно известной оперы, не было готики и барокко, где всем управляло Ratio и другие управляющие были не в фаворе. Это была страна победителей, бизнесменов или, на худой конец, трудоголиков. Она не была создана для поэтов, художников, неудачников и мечтателей.

Так хотелось думать (и думалось) поначалу. И многим потребовалось немало времени, чтобы расстаться с этим представлением.

Во-первых, океан возможностей всё-таки обнаружился, только он не выбрасывал свои дары тут же к ногам растерянного путника. Сперва необходимо было построить судно, освоить правила управления, вооружиться картой и компасом, а затем уже отправляться реализовывать эти самые возможности. Никакой предоставленности самим себе тоже не было, точнее, она была у тех, кто сам её выбрал. Кое-кто сообразил, что на пособие худо-бедно можно прожить, и не торопился приступать к работе. Тех же, кто имел хоть какие-то амбиции, страна добросовестно «вела»: были организованы бесплатные языковые курсы и экзамены, выплачивалось пособие и предоставлялось какое-никакое жильё, что позволяло учиться, не заботясь о необходимости выживать. Во-вторых, готика, барокко и опера оказались не столь уж необходимыми компонентами для каждодневной жизни. Тем более очень скоро многие поняли, что Европа со всеми её атрибутами стала отсюда куда доступнее, чем с берегов их бывшей Родины. А ещё здесь был Нью-Йорк, готовый удовлетворить любые, самые капризные притязания.

Требовалось ещё изменить в себе отношение к деньгам. Деньги вовсе не были в Америке «кумиром» (как учила Советская власть), но и не были «презренной монетой». Они измеряли результат твоих усилий. Разговоры «в пользу бедных» не культивировались – бедным здесь по мере возможности помогали. Лежать на диване, употребляя алкоголь, и декларировать «тщету всего сущего» в Америке, что характерно, тоже оказалось проще и комфортнее, чем в СССР, но только у окружающей публики не было ни времени, ни интереса обращать на декламатора внимание. Трудно было прослыть пророком, лежа на диване или под забором. Многие по привычке полежали-полежали, а потом встали и пошли овладевать новой (или сильно видоизменённой старой) профессией. Да, эта страна была создана для победителей, но не в меньшей степени она была создана и для неудачников. Здесь было ощутимо лучше и тем и другим. И чем быстрее люди это понимали, тем скорее налаживалась их жизнь.

Танина профессия и знание английского позволили ей быстро найти место, и сразу стало немного легче сводить концы с концами. Месяца через три усердных занятий Юра успешно сдал языковой экзамен и тоже хотел начать работать, но жена продолжала настаивать на дальнейшем его обучении – теперь уже медицине. Таня высоко оценивала способности мужа и видела у него впереди большую перспективу.

7

Дорога от аэропорта до городка Лафайет занимает около часа. Трафик в середине дня не напряжённый. Юрин автомобиль несётся быстро и бесшумно. Что тут скажешь: хорошая дорога, хорошая машина. Неожиданно Веру охватило чувство хмельного восторга: от смены часовых поясов, быстрой езды по холмам и сбивчивой торопливости речи, что случается, когда у людей много чего накопилось сказать друг другу.

Юра, как человек с высокой скоростью мышления, при этом увлекающийся и невероятно энергичный, говорит быстро, русскую речь перемежает английскими фразами, перескакивает с одной темы на другую и даже ухитряется менять скорость автомобиля в зависимости от темпа разговора.

Заняв пассажирское сиденье, Вера получила преимущество – она может не только слушать Юру, но и наблюдать за ним. Очень скоро Вера поняла, что она не просто смотрит на него, но именно разглядывает. Поскольку он вынужден следить за дорогой, у Веры появилась возможность делать это без ограничений и совершенно безнаказанно. И ничего, что в её распоряжении только Юрин профиль – этого вполне достаточно, чтобы составить представление о его обладателе.

Выглядит он моложе своих лет, совсем не изменился. Правильная форма головы и осанка, идеально причёсанные волосы (должно быть, очень жёсткие, раз ветер не может растрепать их), «умный» лоб – с морщинами над бровями, как часто бывает у людей, даже во взрослом состоянии способных проявлять любопытство и удивляться окружающему миру. Взгляд, чуть заметно прищуренный за счёт нижнего века, но в то же время открытый за счёт верхнего: редкий, удивительный, с радужкой в виде восходящего солнца. Взгляд пытливый и призывный. Цвет глаз – тёмно-карий, почти чёрный. Крупный нос с чувственными ноздрями, красивая самоуверенная линия рта, скромно оттенённая двухнедельной щетиной (наверное, как и волосы, тоже очень жесткой). И в этот момент ей вдруг ужасно захотелось дотронуться до его волос и понять, действительно ли они такие жёсткие и густые, как кажутся.

Пока Вера впитывала его черты, оживляя воспоминания и сопоставляя их с новой действительностью, Юра рассказывал о своих планах. Но неожиданно сам себя прервал, решив показать Вере Университет Беркли, который они проезжали. На мгновение он повернулся к ней. Вера смутилась, как будто он застал её за каким-то неприличным занятием, и густо, как школьница, покраснела. Юра, к счастью, не мог видеть эту её реакцию, поскольку быстро вернулся к созерцанию дороги. Вера, старательно остывая, послушно рассмотрела Университет и, даже когда они его проехали, на всякий случай продолжала смотреть в окно.

Минут через двадцать они оказались возле Юриного дома. Нет, их семья пока ещё не перебралась в новый дом. Временно отделка была приостановлена, поскольку, как оказалось, старый дом ещё не был продан: Юра решил перед продажей его отремонтировать. Восточный отсек с гостевыми комнатами был временно нежилым, и условия Вериного размещения оказались комфортными только благодаря тому, что Таня была в отъезде. Юра выделил Вере комнату в западном крыле, где жили они с женой. Комната его шестнадцатилетнего сына Майкла находилась на первом этаже.

Было девять часов вечера, когда Вера немного привела себя в порядок после дороги, разобрала вещи, и они оба вышли на кухню. Юра приступил к приготовлению ужина.

– Майкл будет сегодня поздно, – говорил он, быстрыми движениями нарезаая овощи. – Он недавно звонил и просил разрешения после дискотеки остаться ночевать у друга в Сан-Франциско, но я ему не разрешил. Он знает прекрасно, что ему запрещено возвращаться домой позднее часа ночи. И то я пошёл на уступки: час ночи – это поздновато. Так что в его интересах появиться дома хотя бы не позже.

– Послушай, а ты не слишком строг с сыном? Может, ему понравилась какая-нибудь девушка? А если у всех его друзей уже есть девушки? Представляешь, они останутся с ними до утра, а Майклу придётся уехать. Что он скажет ей? «Мне папа не разрешил»?

– Вера, о чём ты говоришь? Он прекрасно знает, что когда закончит школу с хорошим баллом и поступит в колледж, то сможет делать всё, что ему вздумается. Я уже не смогу его контролировать. У нас с ним есть договорённость, как он должен учиться, во сколько возвращаться домой, чем заниматься вечерами, а я за это купил ему компьютер, и ещё его ждёт машина и курсы на лицензию в конце года. Он мне многое обещал и должен держать слово.

«Если он и с женой столь принципиален и деспотичен – бедная Таня», – подумала Вера. Всё это время Юра царил на кухне. Именно царил. Он каким-то образом умудрялся занимать собой её всю, хотя площадь её была вовсе не маленькая, а сам Юра – средней комплекции. Достигался этот эффект быстрыми перемещениями из одного конца кухни в другой, вызывающими соответствующее движение воздуха, громкой речью, выдвиганием различных ящиков, открыванием дверец шкафов, выниманием продуктов из холодильника, сервировкой стола. Всё это производилось без пауз и практически одновременно. Вообще, если Юра царил на кухне, остальным лучше было уйти и заняться своими делами, в крайнем случае – сидеть в сторонке и наблюдать за ним, но ни в коем случае не пытаться поучаствовать в процессе или помочь чем-то. Это расценивалось всегда как помеха, при этом выказывалась неприязнь и раздражение в отношении нерадивого «помощника». Он всегда и всё делал сам и один.

Три года назад, когда Вера смотрела, как Юра оперировал в своём госпитале, она удивилась, что он работает без ассистентов. Даже самые сложные операции он делал в одиночку – там, где обычно работают трое. Два года назад в Петербурге, когда на операцию по принятым в России стандартам намывались трое докторов, Юра из вежливости не препятствовал, но затем, во время самой операции, либо мягко отводил руки ассистентов в сторону, либо просил «поддержать что-нибудь», таким образом занимая ненужным делом услужливые, но ему мешающие руки коллег.

Юра был разносторонне талантлив, невероятно трудоспособен и энергичен. Его познания удивляли, а энергия и идеи заражали даже самого флегматичного собеседника. В прошлую встречу в Петербурге – они тогда ехали куда-то в центр города – он сказал Вере: «I have flame in my heart and fire in my hands». Он действительно «горел» каждую минуту своей жизни. От Тани Вера успела узнать, что ее муж довольно часто просыпается по ночам со словами: «Всё! Я наконец понял, как надо это сделать», и спешит к компьютеру, чтобы что-то записать или зарисовать, либо начинает сонной Тане излагать очередную концепцию. Тане это испортило немало ночей, и много раз за эти годы она не высыпалась. Он мало проявлял ласки и говорил отрывисто и даже строго, нередко раздражался на ее «непонятливость». «Да, тяжело быть, наверное, женой одарённого мужа», – посочувствовала ей как-то Вера. Таня ничего не ответила, но движением глаз и губ показала, что «да, тяжело». И в тот же миг Вера ей почему-то остро позавидовала – позавидовала счастьем быть разбуженной среди ночи, праву возбуждённо обсуждать с ним новые проекты и концепции придуманных им операций, видеть ежедневно работу его мысли, разделять тяготы тяжёлых будней, смотреть, как он засыпает рядом глубокой ночью, не успев пожелать даже спокойной ночи от безмерной, сбивающей с ног усталости, а потом лежать рядом и слушать его дыхание и тихо, безропотно любить этого деспотичного, невыносимого, редко проявляющего ласку и заботу после многих лет семейной жизни, но такого редкого, пылкого и одарённого человека. Однако это мимолётное чувство родилось у Веры тогда – давно, и тогда же оно улетучилось и почти забылось.

Теперь она полулежала в мягком кресле, и в руке у неё был бокал с вином – из тех сортов, что ценители приобретают у wine collectors в Napa Valley.

– Слушай, ничего, что я не спросил тебя, где ты хочешь ужинать – дома или в ресторане? – прервал Юра ее размышления. – Просто я решил, что с дороги тебе не захочется сидеть и ждать заказ, да и ехать пришлось бы в Сан-Франциско – всё-таки лишний час.

Вот так всегда и было – он решал сам, а уже решив, делал вид, что интересуется мнением собеседника. Вера улыбнулась:

– Нет, что ты, всё правильно. Я и хотела скорее домой, – и Вера действительно хотела. Вообще, все Юрины решения были правильными. Сказать ему об этом или нет? Нет, не стоит. – И потом, у нас есть ещё целых три дня, чтобы куда-нибудь сходить.

– Ну, у тебя есть, а у меня времени меньше. Мне придётся завтра поработать. Я ещё не дописал истории болезни. А перед отъездом на конференцию нельзя оставлять хвостов. Кроме того, моя секретарша просила меня посмотреть документы, которые прислали из страховой компании. А чем бы ты хотела завтра заняться? Могу отвезти тебя в молл, посмотришь что-нибудь себе и своим? А когда ты устанешь, я тебя подхвачу. Все визиты пациентов я отменил на завтра, но бумажной работы много. Думаю, часов пять мне хватит. А тебе? Ты любишь магазины? Все женщины любят магазины.

Вера колебалась с ответом. Если сказать, что она магазины не любит, получится, что Юра в чём-то не прав, а Вере хотелось, чтобы Юра был прав, особенно сегодня, когда она так устала после дороги и смены часовых поясов, растеклась по мягкому креслу и вовсе не стремилась проявлять какую-либо инициативу. Их завтрашний день она хоть и представляла иначе, но почему бы не побродить по американскому моллу – кое-что купить все-таки нужно.

– Хорошая идея. Давай так и сделаем.

– Отлично. Ну, садимся ужинать? Бери всё, что тебе нравится. Я не знаю, что ты любишь и сколько тебе класть. Так что сама, ладно?

«Ну почему же сама? Куда приятнее было бы продолжать лежать в кресле, не двигаться и наблюдать за твоими движениями», – подумала Вера, пересаживаясь ближе к столу и пытаясь сосредоточиться на ужине. Благо, что и было о чём подумать и что попробовать. Юра постарался (для неё!), и это чувствовалось.

8

Они познакомились четыре года назад в Сан-Диего – на конгрессе, посвящённом реконструктивной хирургии. Это направление в те годы только начало набирать обороты, и в России лишь немногие врачи – активные, владеющие английским языком и не брезгующие интернетом – стали кое-что узнавать про новые операции и малоинвазивные методы лечения. Новости и изобретения появлялись со скоростью, с какой растут грибы после дождя. Такой всплеск был вызван бурным развитием индустрии протезных и шовных материалов – биологических и синтетических, раскручиванием среди населения понятия о качестве жизни как о главном критерии благополучия, а также изучением прижизненной анатомии, что стало возможным благодаря внедрению в широкую практику магнитно-резонансной томографии.

Вера с головой ушла в новую сферу. Она активно собирала материалы и написала на их основании несколько статей. А потом пришла мысль о международной публикации. Она отправила тезисы на американский конгресс.

До этого Вера была на двух конференциях: во Франции и Швеции. Приглашёнными почётными лекторами на обеих выступали американские профессора. И ей уже тогда захотелось в Америку, которой явно принадлежало лидерство как в индустрии, так и в направлении базовой науки.

Чудо случилось: организаторы национальной американской конференции приняли её тезисы и предоставили возможность выступить в основной секции. Вера готовилась к докладу тщательно, упоённо и без усталости. Даже в самолёте она занималась чтением и правкой. Саша тогда полетел с ней. Это было первое Верино международное выступление, и ей нужна была поддержка. В Америке жили старые Сашины друзья, и он организовал для себя несколько встреч. Он рассчитывал прощупать почву для возможного совместного проекта. Впрочем, на Верин доклад Саша пришёл и даже, нарушив запрет на видеосъёмку, записал на камеру её выступление.

...

Они познакомились за день до Вериного доклада. В отеле Grand Hyatt, где был устроен приём на палубе роскошного бассейна. Подсвеченный всеми цветами радуги бассейн располагался посередине, а вокруг были накрыты столы. Звучала тихая музыка, небольшими группами собирался народ – стояли между столов с бокалами в руках, почти все американцы, многие знали друг друга и возбуждённо беседовали, смеялись, кивали, похлопывали по плечу. Женское общество на вечеринке было представлено в основном жёнами присутствующих докторов, и их было, как всегда, значительно меньше, чем мужчин. Вера чувствовала себя одиноко: и по языковому, и по национальному, и по половому признаку.

Саша был с ней, но его мало интересовала собравшаяся здесь публика, поэтому он устроился в стороне с ноутбуком. Вера под села к нему и некоторое время рассматривала присутствующих – незнакомых и совершенно далёких от неё людей. Несмотря на отсутствие в списке участников конференции российских коллег, Вера всё же надеялась кого-нибудь здесь увидеть. Но чуда не случилось. Может, это и к лучшему. Зато вчера она познакомилась с двумя американскими профессорами – председателями основной секции. Их статьи уже который год вдохновляли её на научную работу. Подумать только! Она говорила с мировыми авторитетами! Разве это не чудо? Здесь, у бассейна, она снова перемолвилась с ними парой фраз. Они были совсем недолго и ушли – их, наверное, увезли на VIP-ужин представители фарминдустрии.

На Веру вдруг нахлынуло странное чувство одиночества (и откуда оно только взялось?). Она стряхнула его с себя, попробовала пару блюд из буфета, осмотрелась. Но очень быстро поняла, что и любопытство, и голод её утолены.

– Мне кажется, мы уже можем уходить, – сказала она Саше. Саша оторвал взгляд от компьютера и посмотрел на жену:

– Может, ты хочешь ещё вина? Или десерт? Ты довольна?

– Да, вполне. Но завтра у меня доклад. Надо бы выспаться.

– Ну что ж, пойдём. Постой, смотри, какую красивую клубнику принесли, – обратился Саша её внимание на латиноамериканца в белом переднике, который вынес большой поднос с роскошной клубникой и установил его в нескольких шагах от Веры с Сашей. – Я бы попробовал.

– Ну давай.

Они подошли к подносу с разных сторон, взяли маленькие тарелочки и собирались положить на них по несколько ягод.

– A lot of клубника... – проговорила Вера себе под нос и усмехнулась.

– Точно, a lot of клубника, – как эхо отозвался чей-то голос совсем рядом с ней. Вера посмотрела на Сашу, но он молчал и удивленно глядел куда-то вправо от Веры. Она повернула голову и рядом с собой увидела темноволосого мужчину. Его рука, как и у неё, была занесена с ложечкой над подносом, а прищуренные глаза улыбались, пристально рассматривая её. Кончики губ тоже улыбались.

– Вы говорите по-русски? – спросила Вера.

– Да, я говорю по-русски, – вновь, словно эхо, ответил мужчина, продолжая её рассматривать.

«Почему он вторит мне эхом и ничего не говорит содержательного?» – не успела озадачиться Вера, как мужчина поставил тарелку на стол, переложил ложечку в левую руку, а правую протянул Вере:

– Юрий.

– Вера, – ответила Вера, проделав те же манипуляции со столовыми приборами и протянув ему свою руку. Впервые эхо было разоблачено. Имена были разные, а мужчина был настоящим и, о чудо, говорил по-русски.

– Вы из России? Или отсюда? – спросил он.

– Мы из Санкт-Петербурга, из России.

– Чудесно! – обрадовался Юрий. – Рад познакомиться.

– А это Александр, мой муж, – сказала Вера и указала на Сашу.

– Здравствуйте, Александр, – обратился он к Саше, и они тоже пожали руки друг другу.

Юра тут же переключился на Сашу (хирургами чаще бывают мужчины, и он, видимо, решил, что Саша – его коллега):

– Как вам конференция? Что-то новое для себя услышали?

– Вы знаете, я не врач, – ответил Саша, практически перебив Юру. (Тот был уверен, что его вопрос риторический, и уже собирался продолжить свой монолог.) – Вот моя супруга – она доктор. А я приехал слушать её доклад.

– Как?! Вы делаете доклад? Когда? – спросил Юра, снова поворачиваясь к Вере и придвигаясь к ней чуть ближе, чем велит этикет делового общения. Его притягивала, видимо, собственная искренняя заинтересованность.

– У меня доклад завтра в четыре часа.

– Oral presentation? Oral poster?

– Oral poster. Больше всего я боюсь, что мне зададут вопросы, а я что-то не пойму.

– Вы-то не поймёте? Вы все поймёте, у вас прекрасный английский!

– Откуда вы знаете? Мы ведь по-русски разговариваем.

– И правда, по-русски, – рассмеялся незнакомец, – Ну, тогда, если хотите, я завтра вам помогу – могу вопросы перевести. Вы только подмигните мне, если что не поймёте. Я буду в зале в первом ряду. Во сколько, вы говорите, ваша презентация?

– В четыре часа.

– Прекрасно. Я запомнил. Придется, конечно, потом спешить – у меня самолет в шесть тридцать. Но все равно, должен успеть – заранее выпишусь в отеле. А теперь мне надо убежать, ребята. У меня ужин с людьми из «Джонсона». Здорово было познакомиться с вами. До завтра.

– До завтра.

И он ушёл быстрым шагом. Клубнику он себе так и не положил, как будто и не из-за неё вовсе подошёл к этому столику. Тарелочка осталась стоять пустая, а рядом лежала ложка.

Наутро, после завтрака, Вера спустилась в выставочный холл, где располагался её постер. Она хотела ещё раз просмотреть его, подготовиться к докладу и продумать возможные вопросы. Постер располагался сразу за углом у входа в зал, и она почти наскочила на человека, стоящего напротив него. Это было более чем странно – встретить здесь кого-то в это время, ведь заседания всех секций уже начались, и выставочный зал был до гулкости пуст. Когда она опознала в стоящем Юру, присутствие человека у её постера перестало казаться странным.

Юра начал, не поздоровавшись. Позднее она обратила внимание, что он нередко так делал, особенно когда чей-то приход прерывал его размышления – тогда Юра просто продолжал свою мысль вслух, и это следовало расценивать как то, что он обратил внимание на твоё появление.

– Смотри... Ничего, что я на «ты»? В Америке быстро отвыкаешь от «вы».

– Ничего, давайте на «ты».

– Хорошо. Смотри: ты пишешь, что для твоей операции ты выкраивала лоскут трапециевидной формы. Всё правильно, только почему ты его располагаешь вот так? Я обычно делаю по-другому. Вот гляди...

В руках Юры появился лист бумаги и карандаш, и он начал рисовать этапы операции, о которой шла речь в Верином докладе. Юра объяснил сначала анатомию данного участка, за три минуты изобразив в трёх проекциях операционное поле, затем перешёл к технике выкраивания лоскута, потом стал рассказывать о своей практике: сколько он делает операций, какие применяет методики, какие получает результаты. Вера слушала, затаив дыхание: всё, что он говорил, было безукоризненно верно и изложено абсолютно точно. Возникало вопросительное ощущение: как она сама до этого не додумалась? Почему она до сих пор что-то делала не так, как говорит ей сейчас этот незнакомый человек?

Тем временем в его речи стали навязчиво преобладать личные местоимения: «Я делаю», «Я оперирую», «Я придумал», «Мне сначала понравилась концепция такого-то, но потом Я переделал...», «Моя практика»...

«Прямо как в песне „I, Me, Mine...“ – я, мне, моё...» – подумала Вера.

– А вот эту операцию у вас делают? Нет? А я делаю, но мне не понравилось, как один из её этапов описан в руководстве Смита, и я придумал по-другому, – и так далее в том же духе.

Вера не знала, как реагировать. Вначале она пыталась вставлять свои комментарии, но вскоре бросила это занятие и вся превратилась в слух. Очевидно, что ничего нового она не могла сказать этому человеку, а вот он мог рассказать ей о многом. И она молчала и слушала, молчала и слушала... «Он либо самовлюблённый, самопоглощённый, надменный тип, либо действительно уникальный и даже гениальный хирург», – думала Вера, и чем дальше слушала, тем более склонялась ко второму варианту, несмотря на жизненный опыт, который подсказывал, что представители первого вида в природе преобладают.

Когда Юра закончил свой рассказ и впервые заинтересовался реакцией собеседницы (точнее – слушательницы), ему пришлось отстраниться от Веры на целый шаг, поскольку за время монолога он, увлечшись, непозволительно близко придвинулся к ней. Вера не торопилась выразить свою реакцию. Больше всего ей хотелось взять Юру за руку и сказать «спасибо», а ещё сказать, что она никогда не встречала человека, столь компетентного, умного и понимающего в своей специальности. Вместо этого она произнесла:

– Это очень интересно. С лоскутом я, видимо, поменяю технику. Всё остальное надо обдумать, поскольку для нас это новые вещи, и мы их в практике пока не применяем.

– Конечно, не применяете. Даже в Америке их не применяют. Здесь тоже только единицы понимают, как и что следует делать. Но я тебе расскажу, как лучше, и ты будешь первой в России, кто будет делать всё правильно. А мне будет приятно, если у тебя будут лучшие результаты, тогда и пациентов будет больше, и денег сможешь заработать. У вас ведь зарплаты маленькие? Сколько ты получаешь?

Разговор менял русло каждую минуту. Вера обладала достаточной быстротой мысли и потому привыкла свою речь слегка притормаживать, чтобы собеседники поспевали за ней. В разговоре же с Юрой всё было наоборот: Вере приходилось напрягать свой мозг и учиться вовремя «переводить стрелку». Юра изливал на неё ушат за ушатом концентрированной информации. Вера едва успевала прийти в себя от предыдущего «окатывания», как нужно было принимать новую порцию. Удивительно, но при всей необычности происходящего Вере это невероятно нравилось. Нравилось всё: и темп, и интонации изложения, и точные, как будто по линейке вымеренные жесты, которые были особенно удивительны в сочетании с эмоциональностью речи, и то, как собеседник близко придвигал своё лицо к её лицу, как он сощуривал свои необычные, напоминающие восходящее солнце, глаза.

В то утро Вера узнала его судьбу. Тогда, в выставочном холле, Юра рассказывал о своём советском, а затем раннем эмигрантском прошлом около двадцати минут, а через год, когда они с Сашей приехали к нему в гости, рассказ занял четыре часа – как раз столько, сколько длится путь из Сан-Франциско в Squaw Valley. И это были четыре часа непрерывного, захватывающего по остроте сюжета повествования с коротким перерывом на заправку бензобака, во время которого Вера сидела оглушённая, думала о невероятности и многогранности Юриной судьбы и остро жалела, что она не писатель, чтобы изложить его рассказ в отдельной книге.

Юра пришёл за десять минут до Вериного доклада и сел в первом ряду. Вера вышла на трибуну и оказалась перед более чем тысячью

американских докторов, её сердце забилося так, что грудиने стало больно от этих ударов. Предстартовое волнение из её спортивного прошлого не шло ни в какое сравнение с этим сердцебиением.

Саша расположился ближе к центру зала, и Вера сначала пыталась поймать его взгляд, но в полутьме не смогла этого сделать. Зато Юра был близко, и она знала, что он поможет. Он часто менял позу в кресле и явно волновался за неё. К счастью, Верины опасения насчёт презентации не подтвердились. Она не превысила временной регламент, слайды переключались исправно, на вопросы она ответила легко. И, боже мой, ей аплодировали! Причём Юра – громче всех, а когда она спустилась с трибуны, он пошёл навстречу и обнял её. Казалось, он радовался даже больше, чем она сама.

– Ты молодец. Ты просто молодчина! Прекрасно держалась. Я же сказал, что у тебя замечательный английский и всё пройдет отлично.

– Напоминаю: сейчас ты мой английский слышал впервые.

– Всё равно – я уже и вчера это понял. Если такая девушка приехала выступать в Америку, она не может плохо знать английский. Вообще, русские редко приезжают на эти конференции.

Они подсели к Саше. Вера оказалась сидящей между двумя мужчинами. Юра перегнулся через её колени, чтобы его слышал и Саша:

– Слушайте, вы отличные ребята. И такие молодцы, что приехали. Очень рад знакомству. Вы тогда оставайтесь и слушайте доклады. Я смотрел программу – там есть пара стоящих: про стволовые клетки и про новый device. Жалею, что сам не смогу на них остаться, но вы мне потом расскажете, о чём тут говорили. О'кей? Так, что ещё? Мой e-mail и телефон вы найдёте в списке участников – вам его выдали в материалах конференции. Обязательно мне напишите.

Я бы с удовольствием приехал к вам в Ленинград, и мы бы вместе пооперировали. А теперь я должен убегать, иначе я опоздаю на самолет. Бай!

И он ушёл, создав своим движением небольшой ветер в проходе зала.

Остаток дня они с Сашей провели, гуляя по городу, затем поужинали в мексиканском ресторане. Это был очаровательный южный город, действительно, с лёгким мексиканским оттенком, особым ароматом, исходящим от крупных цветов, тёплой и как будто лоснящейся от солнца мостовой, видимым почти отовсюду заливом и бесшумными трамвайчиками. С этого города, самого южного на Западном побережье и самого далёкого от России, в Верину жизнь начала проникать Америка. На следующий день у них заканчивалась виза, и в одиннадцать утра они улетали домой.

Поздно вечером в их номере неожиданно раздался телефонный звонок. Это был Юра. И, как всегда, никаких предупреждений и подготовок:

– Ребята, я уже дома, добрался хорошо и хочу пригласить вас к себе. Я всё узнал: вы можете в интернете поменять билеты и послезавтра вылететь, например, уже от меня, из Сан-Франциско. Вы теряете сто долларов на каждом билете, но я могу дать вам номер своей кредитки, чтобы вы не тратились. И я уже забронировал на ваши имена билеты на поезд досюда. Ехать из Сан-Диего четыре часа – недолго. Поезд отходит через час. Вокзал недалеко от отеля, и вы можете на него успеть. Билеты распечатайте с сайта. Я вас встречу на вокзале, и мы проведём пару дней вместе. Покажу вам город – уверен, вы останетесь довольны. Ну что?

В этом звонке был весь Юра. У него был особый дар – менять течение жизни, в том числе жизни других людей.

Стоит ли говорить о том, что ни в коем случае нельзя нарушать визовый режим, особенно при первом въезде в США? И что это не позволило Вере с Сашей принять его предложение, что их отказ расстроил Юру и их самих, и что он всё равно некоторое время пытался их переубедить.

Когда Саша повесил трубку, они ещё долго обсуждали, с каким необычным человеком свела их вчера судьба.

«Предчувствие влюблённости» – так можно было бы описать то состояние, в котором Вера покидала Сан-Диего. До настоящей, болезненной влюблённости в Америку, замешанной на тоске расставания, оно дозрело очень быстро – когда Вера выехала на Московский проспект Санкт-Петербурга, с его серо-желтыми многоэтажками и отвратительным выхлопом грузовиков в многополосном бестолковом питерском трафике.

9

В США медицинский диплом необходимо подтверждать. Для этого сдают три ступени сложнейших медицинских экзаменов: по базовым наукам, по клиническим дисциплинам, плюс практический экзамен. Вся система медицинского образования, а соответственно и структура сдачи экзаменов, в корне отличалась от советской. Необходимо было фактически заново учиться, да ещё на чужом языке. Этот Эверест покорялся далеко не всем отважившимся. Юра, разумеется, был наслышан о том, что люди тратят на это многие годы, причём половина из них экзамены так и не осиливает. Но подобный расклад был не для Юры: он хотел сдать все быстро, а вероятность неудачи и вовсе не рассматривал.

Юра подошёл к вопросу методически: вооружился необходимой литературой и наметил план подготовки к экзаменам. Начал он с того, что измерил время, которое уходило на прочтение и усвоение одной страницы научного английского текста, изложенного мелким шрифтом. Далее из двадцати четырёх часов он вычел время на сон, еду и прочие базовые потребности и получил четырнадцать часов в сутки на чистую учёбу. Разделив число страниц в своих учебниках на время, измеренное вначале, он вычислил, что для подготовки к первому экзамену ему потребуется полтора года. И это, разумеется, показалось ему слишком много.

Для сокращения расчётного срока имелось только два резерва: во-первых, убрать из своего недельного расписания запланированную под Таниным давлением половину выходного дня. А во-вторых, не повторять перед экзаменом прочитанного ранее. И Юра выработал способ запоминать текст с первого прочтения. Повторные расчёты показали, что можно уложиться в один год. Ближайшая же дата экзамена была через десять месяцев (экзамен по всей стране проводился централизованно).

Иными словами, надо было начинать готовиться и дерзать. И Юра приступил к подготовке. Тане оставалось только удивляться его работоспособности и мириться с двумя вещами: невыносимым характером и тем, что муж стал буквально «таять» на глазах. Причём первое не позволяло влиять на второе: любые замечания по этому поводу выводили Юру из себя. У него впереди была цель, он видел только её, и всё остальное было либо досадной необходимостью, либо назойливой помехой. Необходимое он выполнял второпях и с видимым неудовольствием, а от помех просто отмахивался. Самоотверженная Таня всё чаще стала ощущать себя чем-то вроде такой помехи. Хотелось верить, что это временные перемены, связанные с перенапряжением и неопределённостью.

Юра сдал первый экзамен в намеченный срок. Балл был проходной, хотя и не очень высокий. Последнюю часть материала он готовил бегло, поскольку времени не хватало. Да и материал базовых дисциплин был несравнимо сложнее дисциплин клинических: на изучение только пресловутого биохимического цикла Кребса ушло добрых три недели вместо запланированных трёх дней. Закипающий уже к тому времени мозг напрочь отказывался воспринимать сложнейшие химические формулы, названия ферментов, многочисленные варианты цепочек их превращений. Пришлось поменять систему. Юра записывал формулы химических веществ на картоне, вырезал карточки и целыми днями раскладывал их на ковре в разных последовательностях.

Вторую и третью ступень он сдал блестяще в течение следующего года: времени было достаточно, да и система усвоения материала была уже отработана.

Во время подготовки ко второму и третьему экзамену Юра, несмотря на Танины протесты, начал работать. Первая попытка устроиться санитаром в госпиталь не удалась. Юру не взяли по совершенно неожиданной причине – он был, оказывается, «overqualified» для подобной работы. Иными словами, врач, хоть и с иностранным дипломом, не должен был работать на должности, требующей значительно меньшей квалификации. При собеседовании

в другом госпитале Юра предусмотрительно умолчал о своём высшем медицинском образовании, и его приняли. Как выяснилось потом, рекомендательные письма, полученные им из этого госпиталя, сыграли немаловажную роль при последующем прохождении собеседования для резидентуры. После сдачи экзаменов Юра с Таней взяли свой первый отпуск и поехали в Италию. Это, наверное, были счастливейшие три недели их совместной жизни, полные душевного спокойствия и построения самых невероятных планов на будущее.

Вернувшись из поездки, ознаменованной новым, ни с чем не сравнимым ощущением, что ты прибыл туда не с Востока, а с ещё более дальнего Запада, Юра подал документы в несколько госпиталей и университетских кафедр. Следующей Юриной целью стало попадание в резидентуру – трёх- или четырёхлетнее (в зависимости от специализации) постдипломное образование. Без прохождения резидентуры дипломированный доктор не имеет права получить лицензию и работать.

Работа и учёба в резидентуре подразумевает практически круглосуточное пребывание в госпитале. Распорядок дня типичного американского резидента выглядит приблизительно так: подъём в четыре утра, в пять тридцать он уже в госпитале. Полтора часа уходит на осмотр послеоперационных больных и написание историй болезни. Первая операция начинается в шесть тридцать. После операций – приём амбулаторных пациентов. Домой возвращаешься в восемь-девять вечера и сразу засыпаешь, едва успев добраться до кровати. Плюс четыре-пять суточных дежурств в месяц. А по истечении этих трёх лет – экзамен по специальности.

Но что удивительно, перспектива такой жизни не отпугивает людей. Напротив, за сомнительное удовольствие учиться в резидентуре борются ежегодно тысячи выпускников американских медицинских вузов и иностранцев-счастливчиков, сдавших экзамены и ухитрившихся раздобыть рекомендательные письма. Конкурс составляет шесть-семь человек на место. Легче попасть в резидентуру по внутренним болезням, сложнее по хирургии, неврологии, психиатрии и уже почти невозможно по гинекологии и урологии. Конкурс построен так: работает *matching system*, когда аппликанты подают документы в учреждения, в которые они *хотят* (а поразмыслив с долей самокритики – *могут*) попасть, а приёмные комиссии рассматривают эти документы и отбирают лучшие кандидатуры для собеседования. Иными словами, чем выше у тебя балл, чем более престижный университет ты окончил и чем больше рекомендательных писем ты имеешь, тем больше шансов попасть в престижные больницы по престижным специальностям. Список поступающих и учреждений, которые совпали в своем выборе, публикуется один раз в году в мае.

Юра из всех перечисленных достоинств имел неплохой для иностранца балл, а ещё, пожалуй, огромное желание. Но он отчётливо понимал, что этого будет совершенно недостаточно для попадания в резидентуру по акушерству и гинекологии. Поэтому он поступил дальновиднее – подал документы в резидентуру по внутренним болезням. И его пригласили на собеседование в небольшой муниципальный госпиталь. Юра проработал там год, получил желаемые рекомендательные письма и, главное, приобрел незаменимый опыт практической работы в условиях терапевтического отделения, где спектр патологии был чрезвычайно широк, а количество больных могло бы напугать кого угодно.

В начале весны Юра разослал свои документы вновь – но уже в акушерские учреждения. И – о чудо! – на страницах газеты, публиковавшей в мае результаты *matching system*, он обнаружил своё имя напротив кафедры акушерства и гинекологии Чикагского медицинского университета. Он был единственным иностранцем в списке выбранных университетом кандидатур.

Такого праздника души у него ещё не было никогда. Он, кого хотели отправить интерном в посёлок под райцентром, кого не взяли на кафедру Новосибирского института и кому не нашлось работы по специальности в Риге, становился американским доктором в престижнейшем университетском госпитале! Это было настолько невероятно, что Юра просыпался

в холодном поту ещё не одним утром от страшной мысли, что чудо это ему приснилось. Однако он постепенно привыкал к своему новому статусу, и вскоре очередные цели стали маячить на его вечно беспокойном горизонте.

По мере учёбы в резидентуре Юра узнал, что не все акушеры-гинекологи равны между собой, что у некоторых из них кровь «голубее». Как выяснилось, общая специальность давала не все возможности. Например, ты не мог лечить онкологическую патологию и делать реконструктивно-пластические операции. Точнее, ты в рамках общей практики иногда сталкивался с подобными пациентами и даже участвовал в их лечении, но признанными авторитетами в данных областях считались те, кто прошёл соответствующую специализацию в соответствующих центрах, и только они могли руководить введением в практику новых технологий и обучать других. И Юра захотел почти невозможного – войти в этот элитный круг, куда иностранцы практически не попадали. Его мечтой стал fellowship по урогинекологии и тазовой медицине.

В это время у Тани наступила беременность. Говоря откровенно, не запланированная (по крайней мере Юрой). Выходило так, что жизнь придётся менять, а потребности ограничивать. А жили они к тому времени уже неплохо. Собственная квартира на условиях не слишком кабального кредита, возможность иметь отпуск и покупать предметы не только первой необходимости. Однако всё это было почти полностью Таниной заслугой: Тане посчастливилось устроиться в Чикаго на работу более престижную, чем в Филадельфии, и бремя семейного бюджета легло на неё. Стипендия резидента мало что к нему добавляла. Теперь же получалось, что Тане вскоре придётся уволиться.

Ничего, на первых порах надо будет приспосабливаться к ограниченному доходу, «затянуть потуже пояс», а по окончании резидентуры Юра устроится куда-нибудь акушером-гинекологом. Первый пункт вынужденного плана – увольнение – решили максимально оттянуть. Это стало возможно благодаря тому, что Юра сам наблюдал Танину беременность и делал ей необходимые назначения. Это позволяло, во-первых, не платить за не предусмотренные дешёвой медицинской страховкой услуги, а во-вторых, до последнего момента скрывать факт беременности на Таниной работе.

Сын Майкл родился, когда Юра был на третьем году резидентуры. Для Юры мало что изменилось с рождением ребёнка, разве что он стал спать ещё меньше, да иногда был привлечён Таней побыть с сыном в выходной день, чтобы дать ей возможность куда-нибудь выбраться. Иными словами, каждому его дню, и так, казалось, не имевшему ни единой свободной минуты, пришлось ещё немного подрастянуться, дабы вместить в себя неведомые дотолё семейные хлопоты.

Но по мере приближения того дня, когда учёба наконец закончится, Юре все меньше хотелось становиться рядовым акушером-гинекологом, пусть даже и в Чикаго. И он, не говоря пока ничего жене, принялся изучать варианты fellowship. Это было удивительно приятное занятие: не надо было сдерживать своих притязаний, можно было смаковать и обдумывать каждый вариант спокойно и со знанием дела. И всё потому, что профессора из Чикаго давали ему самые лучшие рекомендации.

Юра выбрал Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, где преподавал известный профессор Роуди.

В итоге Тане пришлось мириться сразу с несколькими вещами: первое – семейный доход становился совсем скудным, второе – можно было забыть о прекрасной работе, куда Таня планировала вскоре вернуться, третье – мужа она снова будет видеть лишь по выходным, и четвёртое – им придётся опять переезжать, причём на сей раз с маленьким ребёнком, продавая первую их американскую квартиру со всей её обстановкой, в которую столько вложено души и которая вполне могла бы прослужить им ещё долгие годы. А самое обидное – никто не предлагал ей участвовать в выборе их общего будущего. Оно уже было заранее спланировано её

мужем, а она, и то тайно, в глубине души, могла выбирать между тем, следовать ли ей вслед за мужем на предложенных условиях или остаться в Чикаго одной с маленьким ребёнком.

Впервые Таня позволила себе не скрыть охвативших её эмоций. Юра был искренне удивлён и озадачен реакцией жены. С её слов выходило, что в будущем интересовала Юру лишь одна грань – светлая, и виделась она ему таковой лишь под собственным, сугубо эгоистичным углом зрения. Юра, ощущая нарастающее раздражение и недовольство, решил было дать жене отпор, но, к счастью для обоих, передумал. Во-первых, Танины доводы имели под собой почву, а во-вторых, Юра чувствовал, что гораздо большего добьётся иными способами. Отступить он был в любом случае не намерен, но тоталитарные методы могли дать обратный желаемому результат.

Однажды покорив свою жену чем-то ему самому неведомым, Юра и потом не потерял способности почти гипнотически воздействовать на неё. Зная все закоулки женской души (да и тела), он умел ловко нажимать на только ему известные сокровенные рычаги. В такие моменты Таня, разнеженная редкой, но всегда бурной и головокружительной лаской, на которую был способен только Он, была готова сделать для него ещё больше. Он был и оставался её кумиром, её талантливым, несравненным Юрой, которого ждала удивительная, редкая судьба и неперенное признание. Да, Таня мечтала о признании его талантов и другими людьми, хотела через чужое признание ощутить и свою роль в его достижениях.

Так или иначе, через два месяца они переехали в Лос-Анджелес.

Учёба в fellowship не подразумевала стипендии. Это выяснилось только тогда, когда Юра пришёл подавать документы. Оказывается, с этого года были введены новые правила.

– Я готов работать бесплатно, – с готовностью заявил Юра.

– К сожалению, даже при этом условии мы вас не сможем принять. Необходима страховка вашей врачебной ответственности.

Перед Юрой встала почти непреодолимая стена: страховку надо было покупать. Для этого нужны деньги, и немалые. Деньги, как известно, платят за работу. Но за работу в fellowship никто ему платить не собирается. Исходя из этого, оставался лишь один способ решить задачу:

– А если я устроюсь параллельно в другую клинику на половину рабочего дня, я смогу выполнить программу fellowship?

– Сможете. Здесь вы будете проводить время с семи утра до четырёх дня. Остальное время вы можете тратить на что пожелаете.

В итоге проблема была решена: он устроился на вечерние амбулаторные акушерско-гинекологические приёмы четыре дня в неделю. Три четверти зарплаты должны были покрывать страховку, оставшаяся четверть предназначалась для Тани и Майкла. Все утра он проводил в операционной госпиталя. Так всё устроилось, и ему самому больше ничего не было нужно.

Профессор Роуди был одним из самых талантливых онкологических и реконструктивных хирургов на Западном побережье. Юре, безусловно, стоило пойти на такие жертвы, чтобы попасть в святая святых этого мастера – в операционную. Роуди творил настоящие чудеса, и изумлённому взгляду доктора Вольмана (Юра поменял фамилию себе и домочадцам при получении американского гражданства) каждый день являлось искусство бережного и вдумчивого обращения с тканями человеческого тела. Юра овладевал всё новыми приёмами, он научился не только глазами, но и руками чувствовать анатомию каждого органа, каждой связки, костного выступа, сосуда или нерва. Он перестал испытывать страх перед кровотечением, ранением соседних органов. К нему пришло завораживающее и освобождающее чувство, столь знакомое хорошим хирургам – он имел контроль абсолютно над всем, что происходит в операционном поле, всегда знал, что именно он будет делать дальше. Он уже не был подобен студенту последнего курса консерватории, научившемуся, наконец, безукоризненно исполнять чужую музыку. Он, постигая тонкости, изобретённые великими мастерами до него, уже и сам

мог импровизировать, а подчас и позволял себе корректировать партитуру. До композитора ещё следовало расти, но и эта роль была не за горами.

Юрин ярко выраженный перфекционизм, в сочетании с упорством и невероятным трудолюбием сделали своё дело – через два года, вручая Юре документы, профессор Роуди обнял его и с большим чувством сказал, что испытывает великую грусть, расставаясь с талантливым своим учеником – любимым учеником, превзошедшим учителя. Да, за эти годы Роуди воистину стал для Юры Учителем и непререкаемым авторитетом. И трудно было бы придумать лучшую путёвку в жизнь, чем эти слова, сказанные Учителем.

В Университете Юра не остался, несмотря на привязанность к профессору. Не стал он подавать документы и в другие университетские клиники – слишком сложная и неоднозначная царила обстановка в академических учреждениях. Во многом она напоминала отношения между кафедральными сотрудниками в Новосибирске – много сил следовало здесь отдавать налаживанию политических связей, что требовало особых личностных качеств, которыми Юра и в юности не мог похвастать. В свою очередь частная практика открывала, казалось, безграничные возможности для самосовершенствования, предоставляла долгожданную свободу и высокий доход.

Юра с семьёй перебрался в пригород Сан-Франциско и там открыл собственную специализированную клинику. Он быстро приобрёл прекрасную репутацию среди страховых компаний и врачей, направлявших к нему пациентов. Он брался за любые, самые сложные, случаи и почти всегда находил решение. Многие врачи, даже те, которые сами занимались реконструктивными операциями, оценив уровень Юриной квалификации, наиболее сложных пациентов направляли к нему.

И Юра справлялся с любой задачей. И не просто справлялся, но и совершенствовался изо дня в день. Особенности оперативной техники, способы выкраивания лоскутов и их расположения, обдумывание доступов и формы игл-проводников стали его делом, которым он жил и которым горел. Юра стремился к снижению частоты рецидивов и осложнений. Как перфекционист, он не мог уйти из операционной, зная, что можно было выполнить что-то лучше. Он не искал себе оправданий. Любая операция должна быть выполнена идеально, и то, что хирург что-то не умеет или даже просто не уверен в том, что справится, по мнению Юры, не могло служить поводом для выбора более простой методики. На выбор доступа и метода операции должны влиять только соображения блага пациента и ни в коем случае квалификация врача. Лишь доведённая до совершенства техника могла освободить хирурга от необходимости идти на подобные компромиссы. И Юра без усталости свою технику совершенствовал, причём не только в операционной, но и дома, выкраивая вечерами лоскуты, пытаясь на компьютере, в трёхмерных графических программах добиться их правильного расположения между виртуальными органами и тканями, а нередко и просыпаясь среди ночи от мысли, посетившей его во сне.

Каждые три года частнопрактикующий врач должен демонстрировать некоторые аспекты своей работы признанным экспертам штата в соответствующей области медицины. Эта система носит название *practoring*. Врач-эксперт даёт заключение о том, как работает доктор и насколько соответствует его практика общепринятой в данном регионе. Когда пришло время, подобный эксперт посетил и Юрину клинику. Он весь день присутствовал в операционной, наблюдая за ходом операций. Как выглядело официальное заключение эксперта, уже не имеет значения после тех слов, которые он произнёс вслух сразу по завершении операций: «Today I realized, that all my life I've been butchering my patients» («Сегодня я понял, что всю свою жизнь я был мясником для своих пациентов»).

Неудивительно, что в Юриной семье появился и долгожданный высокий доход, что жили они теперь в прекрасном доме в одном из престижных пригородов Сан-Франциско, что появились и друзья из круга преуспевающих людей. Да что там говорить! За годы жизни в Америке

все то, о чём он когда-либо мечтал, постепенно трансформировалось в реальность. И, казалось бы, счастье во всей его полноте никогда не было так близко и осязаемо.

Почему же в те дни, когда Юра показывал Вере с Сашей «самое лучшее в лучшем штате», Веру не покидало чувство, что он не столько им, сколько самому себе показывает свою жизнь? Возможно, потому, что он не мог пользоваться этими благами ежедневно, что роскошную калифорнийскую природу он созерцал преимущественно через лобовое стекло своего автомобиля по пути на работу, что оба дома его были куплены в кредит, который ещё много лет предстояло выплачивать, что случались дни, когда его в буквальном смысле выносили из операционной в одиннадцать ночи и Таня вынуждена была приезжать за ним в госпиталь, так как он не мог управлять машиной от головокружения и парализующей усталости.

Вне всяких сомнений, Юру одолевало желание показать вершины, которых он достиг благодаря своему упорству и труду, желание продемонстрировать, что он может в любой момент протянуть руку и прикоснуться к этим благам; хотелось рассказать, что эта страна с её почти «безграничными возможностями» стала его страной, что он достоин её, а она по достоинству оценила его. И сам факт жизни в этой стране уже является достаточным основанием для того, чтобы и дальше продолжать свой изнуряющий, нескончаемый, кабальный труд. Демонстрируя свою жизнь друзьям с бывшей Родины, Юра словно и себе хотел показать всё это.

Но не сразу Вера поняла во всей полноте, как следует трактовать Юрины старания при организации «лучшего в их жизни отпуска»; не разобралась она и с двойственностью своих собственных впечатлений от калифорнийских каникул. Всё это обрело некую форму только через два года, в Петербурге. Тогда же стало ей ясно, почему, несмотря на победоносное шествие по своему жизненному пути, на шестнадцатом году жизни в Америке появились у Юры совершенно новые мысли о том, как этот жизненный путь всё же следует изменить.

Ответ был прост и напоминал приговор: Юра увидел «потолок». Мечты, лелеемые в «той», прошлой жизни, в «этой» постепенно исполнились, и с каждым новым достижением всё сложнее и сложнее было находить новую цель.

Он знал, причём лучше многих, как следует оперировать пациентов, чтобы в разы снизить частоту осложнений и рецидивов, и теперь ему хотелось поведать людям о своих изобретениях. Но его многочисленные попытки «продать» идею производителям медицинской продукции не находили у крупных компаний желаемого отклика (им необходимо было сначала окупить затраты на те проекты, которые опередили Юрины если не по качеству, то по времени выхода на рынок), а у небольших компаний с маленьким бюджетом, но подвижным менеджментом провоцировали страстное желание «украсть» идею. Юра бился в закрытую дверь и описал несколько замкнутых кругов в своих поисках.

Кроме того, он знал, когда и при каких условиях он выплатит все кредиты. Несложный подсчёт порождал леденящую мысль, что до этих счастливых дней можно и не дожить. Да что там говорить! Даже неделя отпуска приводила к простому клинику, что сразу же снижало депозит на его кредитном счёте, баланс уходил в минус различной глубины, и требовалось потом недели две-три, чтобы снова вернуться к нулю. А ведь от него зависело благополучие не только членов семьи, но и пяти сотрудников, к тому времени работавших в клинике.

Юра явственно ощущал, что необходим переход на иной уровень как мышления, так и организации дела:

– Я люблю оперировать, и это моё призвание, но я хочу это делать не за деньги страховых компаний, а за «просто так», причём в тех частях земного шара, где моя помощь была бы особенно нужна. Я не хочу зависеть от страховых выплат, не хочу чувствовать себя ремесленником. И не хочу зарабатывать драгоценными часами, отнятыми от своей не такой уж и длинной жизни. Тем более, освободившись от механической работы, я смогу принести гораздо больше пользы людям. Медицинская деятельность должна быть свободной и приносить чистое удовлетворение, как удовлетворение от искусства.

Не быть «наёмным рабочим», а самому создавать работу для других людей, причём работу интересную и нужную, основанную на новых, перспективных идеях. Идей этих у Юры было несколько, причём одна перспективнее другой. И Верина роль в их реализации оказалась на удивление осязаемой. Было это связано с возможностями российской стороны, которая могла дополнить американскую как в вопросах инвестиций, так и в освоении никем пока не занятой ниши рынка.

Прорабатывать концепцию они принялись тут же и занимались этим всё время между осмотрами достопримечательностей и приёмами пищи. Взаимопонимание, наступившее между ними, было настолько полным, а темп синтеза мыслей и обработки информации настолько похожим, что в этих беседах они незаметно, но неминуемо оказались наедине друг с другом. Близкие махнули на них рукой и занялись чем-то своим, предоставив Юре с Верой разговаривать на своём языке.

Идеи, высказываемые Юрой, были настолько увлекательны, просты в решении и очевидны, что буквально тут же захватили всё Верино существо. Это было подобно вспышке факела, вмиг осветившей новым, неведомым светом её сознание.

Да и само сознание начало меняться. Произошло что-то странное: с появлением в её жизни Юры жизнь больше не могла продолжаться так, как прежде. Все попытки вернуться в то состояние психологического комфорта и счастливой уверенности в правильности своего пути, в котором она находилась совсем ещё недавно, оказывались неудачными. Порой, когда ненадолго отступала эйфория, Вере начинало казаться, что её разум отравлен Юриным мировоззрением, его личностью, его вулканической, завораживающей энергией.

Стоило ли следовать за ним? И куда вёл этот путь? Был ли это её путь? Или же Юра в одночасье перенёс её к некоему распутью *своей*, а вовсе не *её* жизни, в то время как ей следовало брести до собственного распутья ещё много лет, в результате чего она, может, и не дошла бы до этой точки или дошла бы до какой-то иной? Ответа она не знала. Как не знал и Первый Человек, вкусивший от яблока познания: покидая рай, он не ведал, что ждёт его там, куда он уходил. Кто знает, может, и боялся он чего, но уже не в силах был противостоять сладостному действию отравленного плода, открывшего ему путь в новую жизнь.

10

Несмотря на то, что приготовленный Юрой ужин был феерическим, у Веры почти не было аппетита. От дороги, горячего душа и вина кружилась голова, и в ней по-броуновски мельтешили обрывки мыслей.

Вера наблюдала за Юриными движениями, слушала его речь, и в сердце её вливалось благостное чувство: ей казалось что она добралась, наконец, до дома, причем вовсе не чужого, а своего, и что вот он – отдых после бесконечно долгой дороги. Вслед за пространственными стали стираться и временные границы: сколько она находилась в этом кресле? Час? День? Полжизни? Дольше ли, чем ждала этого момента?

– Да ты совсем устала, – донеслось до неё откуда-то издалека. – А я тебя всё мучаю.

Вера открыла глаза: видимо, она стала засыпать, и Юра это заметил.

– Пойдём, я тебе покажу твою комнату. Тебе надо ложиться. Да и мне тоже.

Они прошли через холл и оказались в полутёмной комнате. Почти всю её занимала огромная кровать, оставлявшая лишь узкие проходы вдоль стен.

– Так, я забыл постелить белье, – сообщил Юра. – Постой здесь, я сейчас приду.

Через минуту он вернулся со стопкой постельного белья. Узкий проход между стеной и кроватью не позволял свободно разойтись. Вера вынуждена была прижаться к стене, чтобы пропустить Юру. Он прошёл совсем вплотную, создав своим движением лёгкий ветер, и принялся ловкими и быстрыми движениями застилать постель. Вере её наблюдательная позиция вдруг показалась неловкой. Может, имеет смысл выйти в коридор? Глупости. Конечно же нет: мужчина застилает ей постель, а она тут стоит сложа руки, а если она выйдет в коридор, будет совсем нехорошо.

– Юра, я ведь могу и сама с этим справиться, – улыбаясь, сказала она.

Юра посмотрел на неё:

– Ты хочешь мне помочь?

– Давай, я сама.

– Нет, вместе ловчее.

Юра крепко держал одеяло за два угла. Взглядом он приглашал Веру последовать своему примеру. Вера взялась за противоположный край, и они вместе подняли одеяло и встряхнули его. И всё то время, пока постель медленно выдыхала из себя воздух, длилась необъяснимая пауза. Как будто непременно следовало дожидаться, чтобы одеяло закончило оседать. Но вот оно замерло, как усталое животное, а их глаза снова встретились.

– Из тебя получился бы неплохой ассистент в операционной, – сказал Юра, улыбаясь одними глазами.

Чтобы выйти из комнаты, ему вновь предстояло пройти между невозмутимо занимавшей всё пространство кроватью и стеной, прислонившись к которой, стояла Вера. Дойдя до неё, Юра остановился.

– Ну, кажется, теперь я всё приготовил. Или чем-нибудь ещё могу помочь?

Он стоял совсем рядом, не делая попыток продолжить свой путь. И как всегда, лицо его было чуть ближе, чем следовало. Нет, не как всегда. Сейчас оно было особенно близко.

– То, что мне осталось сделать, уж точно не требует мужской помощи, – попыталась пошутить Вера.

– То есть *как мужчина* я больше не нужен? – засмеялся Юра. Он всё ещё не уходил и пристально смотрел Вере в глаза. Возникла короткая пауза, которая заполнилась диким, чёрт знает откуда взявшимся сердцебиением. Оно испугало Веру сначала своим появлением, а затем мыслью, что может так же внезапно прекратиться, как и началось. Придавленная этим двойственным чувством, Вера прошептала:

– Знаешь... Наверное, всё-таки есть одна вещь, которую ты можешь для меня сделать. Ей показалось, он ждал именно такого ответа.

Его губы оказались мягкими и жадными. Прикосновения его рук обожгли её. Густая, горячая волна унесла усталость... вместе с рассудком.

От бури поцелуя у неё перехватило дыхание. Ноги предательски подкашивались. Они словно чувствовали близость спасительной кровати и отказывались поддерживать тело. Но на пути к кровати находился он – сильный и энергичный. «Почему он не садится и не предлагает сесть мне?» – едва успела подумать Вера, как вдруг почувствовала, что теперь уже в буквальном смысле теряет сознание от адской смеси возбуждения и усталости, и сделала отчаянную попытку развернуться так, чтобы за её спиной оказалась кровать вместо стены.

Когда ей это удалось, она обнаружила себя наполовину раздетой, сидящей прямо напротив ремня его брюк. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить его желание. И всё, что от неё требовалось, – это освободить его, разрешить ему и себе пойти у него на поводу. Но вместо этого Вера предоставила Юре право действовать самому: она откинулась назад и осталась лежать с закрытыми глазами, не прикоснувшись ни к его внезапно освободившимся рукам, ни к брюкам. Она просто легла на спину и закрыла глаза, нестерпимо желая новых прикосновений...

Позднее, пытаясь разобраться в том, что произошло дальше, она не могла понять двух вещей: первое – почему она сама поступила именно так – не дотронулась до него в тот момент, когда они оба этого желали, и второе – правильно ли *он* воспринял её движение, когда она отстранилась.

А ведь больше всего ей хотелось вплести руки в его густые волосы, почувствовать, как он прикасается к её коже, хотелось нового поцелуя, ещё более жаркого и дающего разрешение пойти дальше. И ведь не было сомнений, что после *такого* начала, единственным возможным мог стать только этот сценарий.

Мог... Но не стал. Сценарий оказался иным. Юра тихо произнёс: «Спокойной ночи, Верочка. Отдыхай. Завтра увидимся». После чего по освободившемуся проходу направился к двери. Он вышел не обернувшись, не дав обещания или хотя бы надежды, что их будет что-то ждать в этом самом *завтра*.

Вера осталась в комнате одна. Сколько лежала она на кровати в той же позе, не шевелясь и почти не дыша? Может быть, минуту, может быть, полчаса. О чём она думала? И зачем продолжала лежать? Наверное, какое-то время ей казалось, что сейчас он вернётся (мало ли о чём он вспомнил – должен ведь был приехать Майкл, а может, он услышал телефонный звонок, – да мало ли что ещё?). Но он не возвращался. Ожидание это по мере осознания его бессмысленности трансформировалось в физический дискомфорт и стыд. Вере стало холодно, она чувствовала себя униженной и в какой-то степени обманутой. Само положение её было нелепым, но ещё нелепее – полное непонимание того, что только что произошло. Неужели это восемь лет жизни с единственным мужчиной сделали её такой непонятливой?

Вера с трудом поднялась с постели и вышла в коридор. Дверь в Юрину комнату была приоткрыта. Но Юры там не было. Ванная оказалась свободна. Вера включила душ на полную мощность и села под жёсткую струю. Вода хлестала её по голове и спине, разлеталась в стороны и бурным потоком стекала по лицу и груди. Но не освежала. Вера сделала душ прохладнее, но и это не помогло. Так она провела несколько минут, не в силах погасить возбуждение и боль и собрать воедино свои разгромленные мысли, волю и чувства.

«Нет, это какое-то недоразумение», – было единственное, что приходило на ум. Мысль эта, говоря откровенно, была абсолютно бессодержательной и не приносила облегчения. Зато придавала некоторую решимость. Вера выключила воду и стала вытираться. Тело горело изнутри и снаружи. Душа тоже горела. Обычные движения полотенцем казались странными

и непривычными, как, наверное, бывает у людей, пытающихся восстановить после инсульта самые простые навыки.

Накинув халат, она вышла из ванной и определила, что положение двери не изменилось. Значит, Юры в комнате по-прежнему не было. И тут с нижнего этажа донеслись звуки ударов пальцами по клавиатуре. «Не я его оттолкнула, не мне и идти к нему», – говорила в её голове Вера разумная другой Вере – той, что потеряла рассудок. Но и у другой нашлись свои аргументы: «Но он-то подумал, что это ты его оттолкнула. Иди к нему и разберись, что происходит. Всё равно ведь не уснешь, причём не только сегодня, но и много ночей потом». Неудивительно, что последний аргумент в данную минуту показался ей убедительнее. И Вера принялась спускаться по винтовой лестнице в нижний холл, где располагался компьютер.

«Как же кружится голова! Главное, не упасть на этих узких закрученных ступенях...» – думала она, нащупывая ногами ускользающие доски и одновременно стыдясь каждого своего шага.

Юра был переодет в домашнее. Увидев Веру, он прекратил печатать:

– Ты почему не легла? Знаешь, я подумал, что не хочу завтра идти в офис. Мы лучше съездим с тобой куда-нибудь. Думаю, ты не будешь против. Сама выберешь, куда. Но для этого мне надо сейчас дописать несколько историй болезни. А ты иди отдыхай. Завтра решим, что к чему.

Его голос звучал неожиданно ласково, и он смотрел на неё, улыбаясь.

– Так может, *завтра* уже наступило? – спросила она, подыгрывая его тону.

У неё не было сил говорить, и любые его слова могли окончательно отнять решимость. Поэтому она подошла к его стулу сзади, прижалась к его плечам и обняла ладонями голову. Он сидел неподвижно, позволяя её рукам перейти с головы на плечи и двумя змеями скользнуть по груди и ниже, к животу. Он не шевелился, только его дыхание стало глубже и чаще. И лишь когда она позволила себе ещё большую вольность, он встал, вышел из-за стола и повернулся к ней лицом. Его руки в несколько мгновений повторили тот же путь, которые за минуту до этого на его собственном теле совершали её пальцы и ладони. Её халат больше не скрывал её тела. Он часто дышал и после каждого приступа ласк прижимал её к себе так, как будто боялся – то ли отпустить, то ли разрешить ей нечто большее. Словно всё, что происходило между ними, было не прелюдией любовного действия, а чем-то опасным или неведомым.

– Юра, а я ведь *к тебе* ехала, – прошептала вдруг Вера и взглянула ему в глаза, борясь со спазмом гортани и сердцебиением, не дававшими ей говорить.

– Да ну что ты? Не придумывай... – Он продолжал обнимать её. – Тебе только так кажется. Это минутное наваждение.

– Нет. Не может быть минутным то, что происходит уже несколько лет. Во мне изменилось слишком много... из-за тебя. Начало меняться... с той нашей встречи в Сан-Диего. И сегодня я поняла, что ехала *к тебе*, а Мексика и конференция – всего лишь предлог.

Он слегка отстранился, и во взгляде его Вера прочитала мольбу. Но о чём можно молить в такую минуту?

Она попыталась уйти от его взгляда, приблизившись, и вновь ощутила его дыхание на своём лице. Он прошептал:

– Вера, я не могу допустить этого здесь и сейчас. Прости. I just can't do it. Через полчаса приедет Майкл, он уже звонил. Он всегда заходит ко мне перед сном. Что будет, если он застанет нас вместе? Послушай, мы не должны торопиться, – теперь уже он искал её взгляда, а она отворачивалась.

«Полчаса – это целая вечность», – думала она. Длившееся столько лет смутное ожидание вдруг прорвало плотину, которая сокрушала её разум и волю, стирая понятие времени. Годы жизни в этот миг показались ей ничем по сравнению с этими минутами. Но Юра был непреклонен:

– Послушай, я завтра действительно решил не ехать в офис. Дай мне закончить с документами. И у нас с тобой впереди вся Мексика, – добавил он.

– Вся Мексика, – медленно повторила Вера слова, которые призваны были, видимо, что-то изменить. И так же медленно отступила назад. Неужели таких вот гарантий не хватало ей, чтобы найти в себе силы завершить этот бесконечный вечер? Неужели?.. Разве так должно быть?

– Спокойной ночи, Юра. До завтра, – сказала она, поправляя халат и отступая.

Вере хотелось думать, что вот сейчас, вот ещё немного, и ей удастся унять дрожь, удастся что-то понять и как-то смириться. Однако ступени не стали шире и прямее, они ещё больше сузились и закрутились. И вдобавок стали расплываться перед глазами. Может, это потому, что спускалась она с надеждой, а поднималась уже без неё?

11

Наутро они оба проснулись поздно. Приводя себя в порядок (что после короткой и тревожной ночи требовало определённых усилий), Вера слышала, как Юра прошёл по коридору в сторону кухни. Она не торопилась. Воспоминания о вчерашнем обжигали её, и хотелось появиться к самому завтраку, чтобы все органы чувств занять сразу же едой. И не важно, что нет аппетита.

Вера дождалась, когда запахи из кухни возвестили о готовности завтрака, и, с трудом сдерживая внутреннюю дрожь, отправилась на кухню.

Больше всего её удивило, что, когда она вошла, ровным счётом ничего не произошло. То есть *абсолютно ничего*.

– Доброе утро, – сказала она.

– Доброе утро, – откликнулся он.

За окном как ни в чём не бывало светило солнце и пели птицы. Ветерок шевелил створку окна. И в такт ее колебаниям то сужался, то расширялся солнечный луч, лежавший на полу. По всей видимости, это было самое обычное калифорнийское утро, а значит, самое обычное для Юры.

Но не для Веры. Её «обычное утро» должно начинаться в Петербурге, без таких вот солнечных лучей на полу. У птиц должны быть другие голоса, а рядом должен пить кофе с бутербродами Саша, а не этот чужой, непонятный ей человек. Вере казалось, что небесный программист по какой-то нелепой ошибке перепутал диски и установил её не в тот компьютер. Но ведь она так стремилась сюда! Неужели при её таком внимательном и чутком отношении к знакам судьбы, она могла столь непростительно ошибиться?

Тем временем завязалась беседа. Вера приободрилась и даже подумала о том, что в новом сарафане, который был специально куплен для этой поездки, она должна выглядеть довольно эффектно. Юра поинтересовался, где бы ей хотелось провести этот день. Оказалось, что в офис заехать всё-таки придётся, но не дольше, чем на полчаса, и можно это сделать на обратном пути. А находится офис почти по дороге в Сан-Франциско. Хочет Вера съездить в Сан-Франциско?

– А можно мы не в город поедem, а на то побережье, куда ты возил нас в прошлый раз?

– 17 Mile Drive?

– Да.

– О'кей, – неожиданно легко согласился Юра.

Вера обожала ездить в автомобиле. Это позволяло хотя бы иногда оставаться наедине с самой собой. Ничто так не умиротворяло её, как смена ландшафта за окном и серая полоса асфальта, поглощаемая бесшумными колёсами. Машина была её маленьким, но вполне совершенным и, главное, автономным миром. Её личным способом медитации.

Углубления всех дверей, бардачок и карманы задних сидений Вериного автомобиля были заполнены музыкальными дисками. Вера слушала и американскую классику, и соул, и джаз, и итальянские оперы, и французских, и русские романсы. Имелись даже самодельные записи барда родом из семидесятых.

Она выбирала музыку без оглядки на эпоху или стиль, а всегда лишь по принципу «моё – не моё». Бывало, что музыка настолько совпадала с настроением и восприятием мира, что целый жизненный этап определялся лишь одним-двумя исполнителями. Так случилось и после первого калифорнийского путешествия, когда её покорили Синатра и Беннетт.

Разные люди слушают разную музыку. Но удивительно другое: одну и ту же, причём любимую, музыку люди по-разному воспринимают. Что касается Веры, то для неё музыкаль-

ные увлечения были подобны вспышкам влюблённости. За свою жизнь она пережила несколько таких вспышек. И всякий раз это было чудесное время, когда она стремилась как можно скорее закончить все дела и оказаться в своём автомобиле. Здесь её ждала вожаденная кнопка проигрывателя, которая открывала дверь в иллюзорный мир, создаваемый музыкой.

Эту страсть нельзя было объяснить потребностью побыть в одиночестве или отрешиться от дневной рутины. Музыка заполняла некие пустоты в её душе. Иначе почему она так остро в ней нуждалась и с такой жадностью её впитывала?

Саша, например, не разделял Вериной одержимости. Если они ехали куда-то вместе, он «терпел» максимум один альбом, после чего с радостью переключался на радио с новостными и аналитическими программами. А Вера в это время страдала от сосущей, зияющей пустоты.

Возможно, у них с Сашей была разная потребность в эмоциональных переживаниях: Саше вполне хватало эмоций из рутинной жизни. Чувствовал ли он подобные «пустоты» в своей душе, Вера не знала, да и не стала бы спрашивать. Поскольку и в собственной душе существование этих ничем не заполненных тёмных закоулков вызывало у неё подспудный страх. Она не стремилась туда заглядывать и прояснять их природу. Чтобы заглушать их зов, достаточно было музыки.

Юра выехал на автостраду, но вскоре свернул на прибрежную дорогу, так называемую «scenic drive». Дорога шла вдоль побережья, повторяя причудливые изгибы береговой линии. Захватывало дух от неожиданных поворотов, подъёмов и спусков. Иной раз, огибая выступающую скалу, дорога сужалась, и тогда возникало ощущение, что машина летит прямо над океаном на высоте нескольких сот футов. Слева проносились дома и усадьбы состоятельных ценителей жизни на побережье. Один из них представлял собой тройное возвышение из тонированного стекла над гладко выстриженным газоном. Другой напоминал особняк Румфорда. Третий прятался в глубине буковой рощи, специально насаженной владельцем – любителем лесного ландшафта (скорее всего, в роще разводили и оленей). Четвёртый походил на шотландский замок. Между ними располагались огромные участки нетронутой природы. По-видимому, соседи здесь не только не досаждали друг другу, но и практически не пересекались.

Справа по ходу их движения лежал океан. Он, в отличие от творений рук человеческих, не проносился мимо, не оставался позади, а невозмутимо сопровождал наших путешественников. И когда Вера устала рассматривать мелькающие в глазах постройки, поля для гольфа и перелески, она повернулась к океану и долго не могла отвести взор от его гордого величия.

Поначалу Юра отпуская комментарии по поводу стоимости жилья в данном районе, предполагаемых занятий его владельцев, стоимости членства в том или ином гольф-клубе. Затем они поехали молча. Молчание ничуть не угнетало Веру. Напротив, она была даже благодарна за эту тишину и возможность спокойного созерцания. Так продолжалось минут двадцать – тридцать, и уже начала подступать дремота. Однако резкие звуки вернули Веру к действительности: Юра перебирал коробки дисков в бардачке автомобиля. Видимо, искал что-то определённое. Как вскоре выяснилось – альбом Андреа Бочелли.

Хорошо знакомая *Besame mucho* в исполнении Бочелли не звучала просьбой юной девушки о поцелуе (как известно, такие просьбы рано или поздно выполняются). Слепой музыкант теми же словами пел совсем о другом: его просьба словно была обращена к кому-то, кого не только нет рядом, но кто и не ведает о его любви, а может, и о его существовании. Это была внутренняя безнадёжная мольба человека, которого *совершенно точно не услышат*. Отчего такая безысходность: оттого, что не услышат, или оттого, что *некому* слушать? Томительные, тягучие звуки вызвали в душе болезненную грусть. Вера продолжала смотреть вперед, но уже не видела пейзажей, проносившихся за окном. Некому услышать... А может, и в самом деле любые слушатели – лишь плоды нашего воображения? Их никогда не было и не будет? И дело даже не в том, что мы не к тем обращаемся, а в том, что обращаемся мы всегда в пустоту?

Когда справляться с грустью стало почти невозможно, она спросила Юру:

– Зачем ты поставил этот диск?

– Тебе не нравится? Я могу выключить.

Этот ответ неприятно резанул Веру. Конечно, музыка ей нравилась, но разве это имело отношение к заданному ей вопросу? Интересно, он действительно не понимает, почему она его об этом спросила, или делает вид?

– Нет, оставь, пусть играет.

Вера украдкой взглянула на Юру. Его лицо было напряжено, глубокая морщина пролегла над переносицей. Это было выражение лица человека, решившегося на что-то и считавшего своё решение окончательным вне зависимости от его правильности. И Вере вдруг стало ясно, что его сухой вопрос был не чем иным, как защитной реакцией. Так он защищал себя как от действия музыки (хотя и оставалось непонятным, зачем он её включил), так и от груза воспоминания.

Вере стало не по себе. Внутри неё опять начиналась борьба: с одной стороны, хотелось прояснить ситуацию и облегчить своё и Юрино состояние, но одновременно подкрадывался страх, что прояснение ситуации не принесёт никакого облегчения, а только усилит горечь. И ей стало нестерпимо жаль его, себя... И в тот же момент подумалось, что любое прояснение будет лучше продления неясности.

В этот момент Юра свернул к парковке у дикого пляжа. Когда машина остановилась, Юра всё ещё продолжал сидеть, не выключая двигатель. Андреа Бочелли пел «It's impossible», а Вера ждала, что последует дальше. Но ничего не происходило: Юра сидел неподвижно и молчал, и Вера молчала тоже. Когда песня подошла к концу и стихли последние звуки, Вера сама повернула ключ в замке зажигания, вышла из машины и медленным шагом направилась в сторону океана.

Пляж был пуст, лишь кое-где в песке увязли большие камни. Крупный песок, попадая в обувь, натирал ноги, и Вера сняла туфли и пошла босиком. Погода была прохладная, ветреная. Вода оказалась странного и даже неприятного оттенка – бледного серовато-зелёного. Наверное, она выглядела так из-за облаков и дымки, а может, это грусть имеет такой цвет?

На одном из камней неподвижно сидели несколько чаек и задумчиво глядели на воду. Вера постаралась обойти их стороной – ей было бы неприятно в эту минуту слышать их тревожные голоса – и пошла вдоль кромки воды. В отдалении стоял и смотрел в сторону горизонта одинокий человек, позой и неподвижностью похожий на чайку. Повинуясь тому же неосознанному инстинкту, Вера обошла и его.

Прибой неторопливо подбирался к её ногам, но не решался их коснуться. Она шла очень медленно, иногда останавливалась и наблюдала приближение маленьких волн, путь каждой из которых одинаково бесславно заканчивался у её стоп. Остатки волн с тающей пеной на поверхности отползали назад, чтобы дать жизнь очередной маленькой волне. Веру удивляло, что все волны были совершенно одинаковые, двигались с одной скоростью, и ни одна из них не была смелее предыдущей. Перед её глазами происходило извечное движение – движение, лишённое поступательного смысла. Несмотря на то, что она дразнила океан, подходя вплотную к влажной линии, оставленной предыдущей волной, её ноги по-прежнему были сухими. Во время одной из таких остановок Вера почувствовала, что Юра глядит ей в спину. Не оборачиваясь, она произнесла:

– Видишь волны? Вот также и дни: один сменяет другой, чтобы потом его сменил точно такой же третий, и так всю жизнь. Тебя никогда это не пугало?

– Нет, а что в этом страшного? Наоборот. Но если тебе нравится сравнение с волнами, то лично я нахожу, что прибой скорее успокаивает, чем пугает.

Вера повернулась к нему – в данную минуту у неё не было ни желания, ни сил «успокаиваться», и ей казалось непонятным, зачем покой мог понадобиться кому-то другому.

– Не хочешь ли ты сказать, что жизнь нам дана, чтобы стремиться к покою?... Пока не успокоимся окончательно, – усмехнулась Вера.

– Это неизбежно, хотим мы этого или нет. А разве имеет смысл сопротивляться неизбежному? И ты меня не подзадоривай – я, между прочим, говорю исключительно о прибое, не более того.

– О'кей, тогда продолжим разговор о прибое? – Вера помедлила, – Сейчас это так актуально! И время и место подходят. И тема интересная. Что думаешь? – Вера не могла остановиться в язвительном желании «прояснить».

Юра, прищурившись, посмотрел ей в глаза:

– Я должен сказать тебе пару вещей. Ты ведь ждёшь объяснений. Хотя, в общем-то, я не обязан их давать. Но я и сам полночи думал о нас, так что думаю, лучше поговорить сейчас... Все равно ведь придётся... Ты, Вера, удивительная, деятельная, необычная женщина. Ко всему прочему, ты любишь и умеешь добиваться своего, а это редкость. Но ведь и я не привык останавливаться на полпути. Разница между нами в том, что у тебя впереди ещё много всего, что предстоит сделать, а у меня, напротив, большая часть позади. Ты ещё высматриваешь впереди вершины, к которым стоит стремиться, а я уже давно на них карабкаюсь, и не буду менять курса – несмотря на то, что бывают моменты, когда хочется это сделать. Тебя раздражает и пугает постоянство, а мне оно придаёт чувства уверенности. Тебе от него скучно, а мне спокойно. В этом, наверное, разница между нами.

Юра помолчал, переводя дыхание перед тем, как продолжить свою речь. Похоже, за ночь он её продумал в деталях, но давалась она ему труднее, чем он ожидал.

– Вера, у меня сложившаяся жизнь. И у меня есть жена, которая поддерживала меня в самые трудные дни. Конечно, многое в наших отношениях угасло, да и сами отношения, честно говоря, ухудшаются с каждым днём. Мне порой кажется, что в конце концов она бросит меня из-за моего невыносимого характера. Но я прекрасно отдаю себе отчёт, что заслужил это. Она много лет терпела меня и помогала мне во всём – разве это не подвиг? И если она решит бросить меня, пускай сделает это сама. Я не хочу отбирать у неё право проявить инициативу хотя бы в этом. У меня и правда ужасный характер, и жизнь со мной – настоящая мука... Между прочим, где-то я слышал такую фразу: «После сорока жён не меняют». Я с ней согласен.

– Юра, ты о чём? Разве речь о жёнах идет? Я и сама замужем. Никто никого не собирается менять. Зачем и говорить об этом?

– Я имел в виду другое. Я знаю тебя относительно давно и слишком хорошо, чтобы между нами могла произойти случайная и ни к чему не обязывающая связь. Не тот случай. Более того, у меня есть подозрение, что ты из тех женщин, с которыми в принципе невозможен поверхностный флирт без отдалённых последствий. А теперь представь: мы живём на разных полушариях и не можем быть на сто процентов уверены, что когда-нибудь снова увидимся. Представь: мы всегда будем в разлуке, и она рано или поздно начнёт разрушать нашу психику. А попытка разлуку преодолеть приведёт к катастрофе. И даже если не будем пытаться, то всё равно потеряем покой и возможность жить нормальной жизнью. А я не хочу терять покой, я боюсь вторжений в мою налаженную жизнь.

«Не то растреплют эти плечи твою налаженную жизнь», – тут же вынырнула из памяти строчка знакомой песни. «Юра эту песню не слышал», – почему-то с сочувствием подумала Вера.

– Налаженную, заметь, с большим трудом, – продолжал Юра свой монолог. – Я хочу, чтобы всё шло как есть. По большому счёту, меня оно устраивает. Единственное, чего не хватает – это лишней пары миллионов долларов, – Юра улыбнулся. – Но это, я надеюсь, вопрос времени, и не без твоей помощи мы его решим.

– Так ты боишься потерять покой? А разве ты *уже* не потерял его?

– Зачем ты спрашиваешь? Вчера вечером ты и сама должна была почувствовать.

– И ты думаешь, что, потеряв покой вчера, тебе удастся вновь обрести его сегодня?
– Я так не думаю. Но я обрету его через некоторое время после того, как ты уедешь.
– Значит ли это, что ты предлагаешь больше нам не видеться? Чтобы снова не потерять покой?

– Если только ты сама меня об этом не попросишь. Но я бы предпочёл обойтись без радикальных мер. Мне нравится наша дружба, мне хотелось бы иметь с тобой общие дела в бизнесе. Было бы очень жаль всё это потерять.

– Ты и вправду думаешь, что можно так легко избавиться от душевного волнения? Что оно не вспыхнет с новой силой при следующей встрече?

– Не вспыхнет. Ты моложе меня, и у тебя это пройдет даже быстрее. К тому же к моменту следующей встречи ты наверняка уже найдёшь то, что ищешь.

– А по-твоему, я что-то ищу?

– Тебе это известно лучше, чем мне.

– Боюсь, что мне это совсем неизвестно. Но, видимо, стоит задуматься на досуге. Может, ты и прав.

– Я знаю только одно: я не смогу тебе дать ничего, кроме того, что уже дал. То есть кроме дружбы, симпатии и доверия. Прежде всего потому, что я сам уже перестал что-либо искать.

– Трудно поверить... Неужели тебе интересно жить, созная это? Как ты можешь быть спокоен, зная, что завтрашний день будет повторением, копией сегодняшнего? Что до конца дней ничего больше не изменится в твоей жизни, кроме возраста и диагнозов?

Юра, видимо, не торопился отвечать на Верины вопросы. Он медленно шёл рядом, смотрел себе под ноги и молчал. Совсем, совсем не в то русло зашёл разговор – Вера и сама это чувствовала, но исправить уже ничего не могла.

Она размышляла о том, что всё время, сколько они были знакомы, ей казалось, что она чувствует этого человека почти как себя. У них были схожие темпераменты, одинаковое отношение к общим делам, они понимали друг друга с полуслова. И вдруг выяснялось, что в самом главном они расходятся. Вера считала, что лучшее, что может подарить человеку судьба, – это встреча с родственной душой, удивительное ощущение мгновенного распознавания, ни с чем не сравнимая пронзительность *deja vu*, когда ты вдруг узнаешь всё тебе дорогое и долгожданное в нём. Когда Он неожиданно оказывается катализатором твоих чувств и мыслей, когда восприятие Им колебаний твоей души доходит до таких невероятных высот чувствительности, что кажется – сам Всевышний настраивал Его на твою волну.

Минуту назад она задала вопрос: ищет ли она что-то? Наверное, она должна сама на него и ответить. Ответить «Да». Единожды почувствовав, а может, и догадавшись о том, что такое *бывает*, она не прекращала поиска, подчас бессознательного. Для достижения даже краткой взаимности с таким человеком Вера, как выяснилось, была готова на многое. Её не пугали препятствия и последствия. Что же касается географической удалённости и семейного положения, то они и вовсе не рассматривались ею как препятствия, поскольку самая высшая точка взаимности, почти недостижимая (как вечность или бесконечность), может быть только мгновенной, подобно вспышке молнии – «здесь и сейчас». Молнии, которая рождается и умирает, из-за своей краткости оставаясь большинством существ не замеченной, не успевает ни напугать, ни удивить. И величайшее искусство и редчайший дар – уметь это мгновение узнать, задержать, продлить и навсегда оставить в благодарной памяти. Превратить Миг в Вечность... Что последует после – не имеет значения. Скорее всего – ничего. Жизнь шла, идёт и будет идти так же, как после грозы всё в природе продолжается своим чередом. Нельзя сказать, чтобы Вера именно *искала* этот миг, но она его определённо *ждала*.

Юра же, как выяснялось, видел всё иначе: незыблемым для него было постоянство событий или, как минимум, стремлений, и незыблемость эта оберегалась им как зеница ока. «Здесь и сейчас», вырванное из течения времени, не имело для Юры самостоятельной ценности.

«Молнии» не вписывались ни в сценарий, ни даже в декорации его спектакля. Конечно, он хотел, чтобы Вера присутствовала в его жизни, но только в определённом им самим качестве. Ей была выделена некая ниша, и её попытки выйти за пределы этой ниши вызывали у Юры беспокойство и тревогу.

Юра шёл рядом и смотрел себе под ноги. Через некоторое время он взглянул на Веру и вдруг начал говорить так, как будто предыдущий разговор был давно закончен и предстояло обсудить совсем другие вопросы. Его голос был на редкость тихим, а речь медленной. Похоже, новые слова давались ему тяжелее, чем те, что уже были сказаны.

– Знаешь, я хочу тебе кое-что рассказать – то, что никому никогда не рассказывал. Но ты не подумай, это вовсе не тайна и не повод для исповеди. Просто как-то незачем было рассказывать. И некому. Меня бы, я думаю, не поняли... да я и не искал понимания, если честно. Может, и тебе не стоит об этом говорить, а то ты, чего доброго, заскучаешь и начнёшь зевать... Слушай, давай присядем где-нибудь, а то я ноги натёр.

– Ты можешь пойти босиком, – предложила Вера, призывно махнув собственными туфлями, которые уже давно несла в руке.

– Да нет. Я не люблю ходить без обуви, – ответил Юра, и они направились в сторону берегового склона, где меньше дул ветер. Через пару минут они уже беседовали, лёжа на песке, а над ними возвышалась отвесная грунтовая стена с торчащими из нее обрывками корней. Юра продолжал свой рассказ.

– Так вот. Сколько я себя помню, с детства меня преследует одно и то же чувство. С него начиналось почти каждое утро, когда я просыпался. Это была мысль, от которой что-то сжималось в районе подреберья, а потом как будто начинало что-то подсасывать. Сама мысль была такая: «Что меня ждёт сегодня? Какие чудеса должны произойти? Что я сам *должен сделать*, чтобы они произошли?» Мысль-то не Бог вещь какая содержательная. Гораздо в большей степени мне не давало покоя именно то чувство подсасывания под ложечкой, которое эту мысль сопровождало. Понимаешь, *кто-то* жил внутри меня, кто-то вечно голодный каждое утро поднимал меня с постели, заставляя думать, зачем, собственно, я проснулся. Насколько я знаю, люди, тем более дети, просыпаются потому, что они выпалились или, в худшем случае, их разбудили. Затем они умываются, завтракают, идут в школу или на работу, и всё потому, что «так устроен мир». Но меня это объяснение только раздражало. Я должен был обязательно если не объяснять, то как минимум оправдывать каждый день, подаренный мне. С самого раннего детства я так и чувствовал, что каждый новый день мне кем-то *подарен*. Поэтому я не знал, что такое покой или отдых. Когда я отдыхал, я думал над тем, что я ещё должен успеть, и эти размышления всегда заставляли меня прерывать отдых и двигаться дальше. Отдых был нужен мне для того, чтобы строить новые планы. Я лучше всех учился в школе и в институте, я лучше всех играл в теннис, и я не мог остановиться в этой гонке к неизвестной мне вершине, пускай никто из моих друзей и не понимал этого. Мной управляло это странное чувство подсасывания, словно там находилась ненасытная пустота или дыра, а я должен был во что бы то ни стало её заполнять. Сильнее всего это ощущалось утром, и последующий день был направлен на то, чтобы его унять, заглушить. Если к вечеру мне это удавалось, я мог быть спокоен до следующего утра. Если нет, то я плохо спал, а иногда вставал и занимался по ночам.

За свою жизнь я узнал многих женщин, но они не понимали, что со мной происходит. Поначалу им нравилась моя энергичность, но мы быстро расставались. Они не выдерживали темпа, и я не винил их за это. Я не был нормальным в их понимании. И вот появилась Таня. Таня была первой, которая сказала, что дело не в нормальности, что просто я лучший и что она гордится мной. Я никак не мог ей поверить, потому что до этого слышал в свой адрес совсем иные высказывания. Да я и привык ощущать себя другим. И самое главное, я знал, что достигнуть совершенства невозможно. Я научился не ждать понимания и признания, но мне было очень лестно, что Таня искренне так думала и искренне восхищалась мной. Поэтому мы вме-

сте уже так долго. К сожалению, она давно не говорила мне, что «гордится» мной. Теперь она всё чаще на меня обижается. Думаю, она надеялась, что моя неуёмность – временное явление и всё пройдет, когда мне удастся достичь задуманного.

Она поехала за мной в Америку, хотя у неё и не было личного повода для отъезда; она переезжала со мной с места на место, потому что так нужно было мне; и она практически одна вырастила нашего сына. Она столько всего сделала для нас! А я всё тот же и не могу измениться.

Вот ты говорила мне сегодня об одинаковости дней и о том, как это убийственно грустно, а я тебе возражал. А ты знаешь, что самое забавное? Что я с тобой *согласен*. Я пытался выступить оппонентом, но я согласен, чёрт возьми. И до сих пор всё делаю, что от меня зависит, чтобы мой следующий день не был тупым повторением предыдущего, чтобы в нём был свой, особый смысл. Это всё реже получается, но по причинам, уже не зависящим от меня. Самое неприятное, что чувство подсасывания не прошло ни с возрастом, ни с переменой мест и продолжает мучить меня до сих пор. Я так и не смог заполнить эту пустоту – каждое утро она неизменно заставляет меня вскакивать и бежать куда-то. А чтобы знать, куда бежать, мне приходится постоянно думать. И это замкнутый круг, – Юра помолчал несколько секунд. – Ко всему прочему, год назад со мной произошла одна необычная история.

Теперь он замолчал надолго.

– Ты мне её расскажешь? – осторожно поинтересовалась Вера.

– Видимо, да, – едва заметно улыбнулся Юра. – Но сначала предыстория, о'кей? Я всегда рассказываю своим больным, что, как и зачем я делаю. И давно заметил, что не все слушают меня внимательно. Знаешь, что удивительно? Что мало кому по-настоящему интересно, что с ним произойдёт на операционном столе. Люди не интересуются, *почему* врач делает так, а не иначе. Но я к этому привык. И всё равно им объясняю, поскольку это мой долг – объяснять себе и другим *зачем*. Как-то раз ко мне на приём пришла пациентка – женщина лет шестидесяти. Мы поговорили, я выяснил, что её беспокоит, провёл осмотр и начал ей рассказывать про цель и ход операции, которую считал для неё оптимальной. Она смотрела на меня очень внимательно – внимательнее, чем кто-либо до неё, и, как мне показалось, даже внимательнее, чем того требовала ситуация. У неё были очень пронзительные, почти чёрные глаза. Она не задавала вопросов и ни разу не взглянула на схему, которую я ей рисовал. Она смотрела только мне в глаза, так что я даже начал испытывать неловкость. Когда я закончил, она взяла меня за руку и, не отрывая взгляда от моего лица, сказала: «Доктор Вольман, вы можете мне не поверить, но... я знаю судьбы людей. Приходите ко мне в любой день, и я расскажу вам вашу судьбу. Она того заслуживает, поверьте». Когда она ушла, мне долго было не по себе. Я вообще не верю никаким гадалкам, мне чужда мистика, я всегда считал это надувательством. Поэтому я не хотел идти к ней, но при этом ни минуты не сомневался, что пойду. Ты будешь смеяться надо мной, но я действительно отправился к этой женщине.

Она жила в маленькой однокомнатной квартирке. Я ожидал увидеть в её доме предметы, без которых, по моим представлениям, не может обойтись гадалка, типа хрустального шара, разбросанной колоды карт, каких-нибудь затейливых стеклянных колб. Но ничего подобного не было. Это была самая обычная квартира. Хозяйка сразу заметила, что я с любопытством осматриваюсь, и засмеявшись спросила: «Вы ждали, что будут гореть свечи и на столе будет крутиться хрустальный шар?» «Признаться, да», – смущённо ответил я. «Нет, я не нуждаюсь в таких глупостях. Я гадаю только по глазам и только тем людям, кого выбираю сама. Моя бабка была цыганкой. Но я не профессионал. Так что вам нечего бояться. Садитесь напротив меня». Она приготовила кофе, села напротив меня и начала: «Спасибо, что пришли, несмотря на ваше отрицание моего ремесла. Да и какое же это ремесло, если я за всю свою жизнь пригласила к себе двух-трёх человек? И вас я позвала, потому что увидела кое-что такое, о чём вы сами можете не догадываться, но о чём рано или поздно обязаны узнать. Вам не приходила

в голову мысль, что в нашем мире изредка появляются люди, которым дано больше, чем другим? Думаю, приходила. Проблема в том, что эти люди не всегда рождаются с пониманием своей избранности. К счастью, на свете есть другие люди, которые приходят специально для того, чтобы разъяснить это тем, первым. И тех и других мало, и они разбросаны по всему земному шару. Все они обладают способностью *менять* жизнь вокруг себя. Но для того, чтобы эта способность реализовалась, им необходимо встретиться друг с другом, что происходит, к сожалению, нечасто. Поэтому эти люди почти всегда ощущают одиночество, думают над вопросом «зачем?» и не получают на него ответа. Я увидела вас сегодня и всё поняла. С первого сказанного вами слова и до самого последнего я сидела и думала о том, какое это большое упущение со стороны судьбы, что она до сих пор не послала вам кого-нибудь из тех, кто мог бы вам кое-что разъяснить. Я сразу поняла, *кто* вы, и при этом заметила, что сами вы об этом ничего не знаете. Хотя и догадываетесь, и эта слепая догадка мучает вас. А такому, как вы, нужна не догадка, а точное знание – тогда вы смогли бы идти вперёд. Вместо этого вы всю свою жизнь движетесь ощупью в темноте». Тут она, наверное, почувствовала, что меня это задело, – ведь я вовсе не считал, что двигаюсь ощупью в темноте, – и добавила: «Не обижайтесь. Другие люди вокруг вас пребывают в той же самой темноте, но они, в отличие от вас, либо вообще не сходят с места, либо бродят по кругу. Мир вокруг нас – в основе своей тьма. Мы судим об устройстве мира по теням на стенах пещеры, в которой родились и которую никогда не покидали. Мы сидим в темноте спиной к свету и смотрим на движения бликов. Некоторые люди бьются над загадками бликов, пытаясь узнать по ним истину, но это иллюзия. Они попусту тратят время. Отсветы не есть свет.

Однако некоторым смертным дано увидеть сам источник света, производящий эти блики и тени. Но чтобы увидеть источник, надо перестать восхищаться бликами, надо отвернуться от театра теней, который так щедро организует на стене пещеры невидимый нам Источник. На это способны лишь десятки из миллионов. И лишь единицы из этих десятков могут выдержать разочарование (или очарование) чистым светом и отправиться ему навстречу. Такие люди покидают мир. Это вовсе не означает, что они умирают физически, хотя бывает и так. Это значит, что они, оставаясь внешне обычными людьми, уже не принадлежат этому миру. Они живут как духовные отшельники – *hermits*. Их целью становится путь к увиденному свету. Они, как и остальные, не знают истины, но они способны понять, что истина *существует* и что к ней можно идти. Главное, им дано видеть *цель*.

Как только я вас встретила, я поняла, что вы – один из них, *hermit*. Хотя вы ещё не отвернулись от театра теней, вы движетесь ощупью, не видя света. Но всё-таки движетесь, потому что стоять на месте вам не дает ваша сущность. Вам кажется, она вас мучает, а на самом деле вы просто не понимаете, для чего она вам дана и как её применить. *Hermits* приходят в этот мир, чтобы менять жизнь вокруг себя. Поверьте, и вы призваны кое-что здесь изменить. Вы уже сейчас влияете на чьи-то судьбы, даже не замечая этого». «Что же именно я должен сделать?» – спросил я её, борясь с нервной дрожью. Но женщина лишь пожала плечами и улыбнулась: «Это дано узнать только вам самому. У меня же другая миссия: рассказать вам о том, кто вы есть, и о том, что ваш трудный путь не напрасен. Я даже могу сказать, что вы движетесь в правильном направлении и вам не стоит с него сворачивать».

Мы ещё некоторое время беседовали с ней. Она сказала, что я должен научиться отличать отсветы от настоящего света, тогда можно будет узнать свой путь. Постепенно я пойму, что именно я должен изменить вокруг себя, и найду в себе силы воплотить это в жизнь. Возможно, сказала она, мне суждено ещё встретить кого-то в моей жизни, кто мне поможет в этом движении к цели.

Мы расстались, и я отправился домой. За рулём я придумывал какое-то несуразное объяснение своему позднему возвращению. Я не мог рассказать Тане, что со мной произошло на самом деле. Это казалось слишком интимным, да и неуместным для человека в сорок пять

лет. Я был растерян и мало что понимал. Несмотря на то, что эта женщина не сказала ничего особенного, у меня было довольно странное чувство, что в этот вечер то ли кончилась, то ли началась моя жизнь. Согласись, и то и другое в моём возрасте не совсем своевременно.

Прошёл почти год. Я ждал перемен вокруг себя, но все оставалось по-прежнему. Параллельно я пытался понять, что именно следует делать, как изменить себя и своё отношение к миру. Чтобы не пропустить что-нибудь важное, я хватался за каждую мысль, за каждую идею. Всё, что ещё год назад показалось бы мне если не абсурдным, то малореальным, теперь как минимум вызывало вопрос: а вдруг это и есть *мой* путь? Поэтому я не мог не прощупывать почву перед каждым своим потенциальным шагом. Вопрос: где было взять время для такого «прощупывания»? Его катастрофически не хватало. И однажды, когда я особенно устал после трёх больших операций, ехал домой на автопилоте и проклинал жизненную колею, из которой невозможно выскочить, я вдруг на удивление явственно осознал очень простую вещь. В моей голове выстроилась короткая, но ёмкая логическая цепочка: я стал врачом, значит, мне следует двигаться в этом направлении и ни на что не отвлекаться. Далее, я много чего узнал в медицине, и если это не решило всех проблем, значит, я ещё недостаточно узнал. Поэтому останавливаться в познании нельзя: количество перейдёт в качество, и тогда мне, наконец, удастся что-то изменить. И подумал, что для начала нужно усовершенствовать методы лечения хотя бы одного заболевания. В эту идею можно будет инвестировать средства и получать гонорары за изобретение, что освободит меня хотя бы частично от финансовой кабалы. Тогда у меня появится возможность двигаться дальше – реализовывать новые идеи. Иными словами, первым делом я должен расстаться с рутинной, поглощающей моё время и силы.

Но в одиночестве я не способен воплотить всё это. Мне нужны помощники. Я ведь и наше с тобой знакомство рассматривал с этой позиции. В итоге я решил, что именно так и должно быть. И всё начнет получаться, если я не остановлюсь. А для того, чтобы не останавливаться, нельзя бояться, отвлекаться и сомневаться: бояться однообразия и трудностей дней и сомневаться в правильности выбранной цели. Вот я и решил – не отступать и идти вперёд. По однообразной и трудной дороге, да, но без страха и мыслей о тшете и усталости. Дорогу, как известно, осилит идущий.

Юра закончил говорить. Наступила тишина. Он лежал на песке и глядел в небо. Вера сидела рядом, и он не мог видеть её лица. И хорошо, что не видел, поскольку с ней происходило нечто странное. Ни на что не похожий отзвук вызвали в её душе его слова. Был этот отзвук подобен эху, но только эхо повторяет оригинал и звучит тише его, а тут значение сказанных слов многократно усиливалось и принимало новый смысл.

Просыпаться и чувствовать тянущее томление в подреберье! Ну конечно, это так знакомо ей!

Ожидание чуда всегда просыпалось первым. Оно будило её по утрам медленным теплым взрывом в подреберье. Вера ощущала внутри себя пьянящую, головокружительную пустоту, которую предстояло заполнить чувствами, впечатлениями, событиями предстоящего дня. Проснувшись, она лежала без движения, почти не дыша, и с бьющимся сердцем прислушивалась к звукам пробуждающегося мира. Так начинался каждый день её детства.

Ощущала ли она себя другой среди своих сверстников? Разумеется да! Но это не терзало её. Даже бóльшие по сравнению с другими детьми нагрузки воспринимались ею как неотъемлемая часть некоего ответственного, но почётного отличия. Пока Вера училась в школе, мама заставляла её выполнять дополнительные, наиболее сложные задания по математике или выучивать наизусть не входящие в школьную программу стихи, или читать книги на английском языке. Верины аргументы, что им этого «не задавали», мама всегда отвергала: «У каждого своя жизнь и свои способности. К разным людям – разные требования. Это другим не задавали, а ты должна сделать больше, потому что тебе и дано больше. Ты делаешь это не для меня и не для учителя, а просто потому, что *можешь* это сделать».

И вот наступает то незабвенное утро двадцать пятого декабря (даже дата запомнилась: ей недавно исполнилось четырнадцать лет), когда *понимание* пронзает её буквально в одну секунду. Ей вдруг становится ясно, что никакие чудеса не подстерегают её за углом жизни, что ей надо не просто сыграть некую роль в заранее запланированном кем-то событии, а самой это событие задумать и самой привести в исполнение. Вера почувствовала, что ей самостоятельно следует искать свой путь, измерять свои шаги на этом пути, уметь узнавать и благодарить судьбу не только за щедрые, но и за скупые подарки. И даже за испытания. Что главное при этом – не останавливаться, не оглядываться назад с тоской или горечью. Она поняла, что придётся с каждым шагом отодвигать горизонт, высматривая на нём новые цели. А иногда, в наказание за поблажки собственной слабости или лени, переживать грусть об ускользнувшем времени, сожаление о том, что так и не случилось. Вера вспомнила слова из песни: «Ты не жалея о том, что *было*, – о том, что *не было*, жалея». Вот именно так и не иначе она в четырнадцать лет поняла принцип жизни. Хотя песню услышала гораздо позже. Не было покоя, не было даже настоящей удовлетворённости. Подолгу накапливаемая горечь прорывалась минутами переосмысления, когда просыпаешься среди ночи и лежишь на горячей простыне, вглядываясь в чёрный потолок, и не находишь ответа... Надо ли было искать этот ответ в себе? Или встреча с кем-то принесла бы ей объяснение? А с другой стороны – нуждалась ли она сама в ком-нибудь, кто указал бы ей её путь?

Но со временем все изменилось. Она повзрослела, и утра стали иными. Прежние метания забылись под напором карьерных и семейных хлопот и радостей. Предвкушение сменилось планированием. И лишь очень-очень редко – толчок и ноющее чувство в подреберье – эдакий пережиток юности. Но, если о нём не думать, оно быстро проходит, и день идёт своим чередом.

Вера закрыла глаза и позволила воспоминаниям пройти перед мысленным взором. Да, её жизнь за последние годы настолько выровнялась, определилась, расставила по своим местам мысли и чувства. А всё самое дорогое, казалось, было защищено от жестокого мира прозрачной полупроницаемой стеной.

И вдруг в этот налаженный мир врывается Юра со своей Калифорнией, со своими идеями, с неведомыми дотоле перспективами, с фразой «You should look out of box», и тут что-то начинает меняться и в ней самой, и вокруг неё. Первым напомнило о себе почти к тому времени забытое чувство утренней неудовлетворенности. Сначала от него всё сложнее стало избавляться, а затем оно победоносно воцарилось, заняв собой весь день и утихая лишь к вечеру, и то не всякий раз. Как будто и не было «взрослого» периода в Вериной биографии.

Теперь Вера сидела на песке и думала, каким образом сказать об этом Юре. Как донести до него, что она до мельчайших деталей понимает все его чувства и сомнения? Что она поддерживает и разделяет его целеустремленность? Сочувствует будничным тяготам? Что он, Юра, сам того не ведая, повлиял на течение её жизни, и не исключено, что это тоже является частью его миссии; и в данную минуту она переживает такой редкий резонанс взаимопонимания, невероятное родство душ?

События вчерашнего вечера как-то вдруг отступили на задний план, потеряли ключевое значение. Безусловно, Юра прав в том, что к их судьбам неприменим сюжет курортного романа. Им действительно следует остаться в том же пласте дружеских отношений, с которых всё началось в Сан-Диего. Это будет лучше как для них самих, так и для общего дела, затеянного пару лет назад. Может быть, и эта встреча один на один, организованная судьбой вопреки всем их планам, состоялась именно ради сегодняшнего разговора на берегу Тихого океана?

Вера повернулась к Юре, чувствуя себя, наконец, готовой произнести нечто важное. Юра лежал на песке молча, закрыв глаза. По тому, как медленно двигалась его грудная клетка, Вера поняла, что он уснул. А ведь каких-то десять минут назад лицо его было тревожным и задумчивым. Теперь же морщина у переносицы разгладилась, линия рта стала спокойной и уверенной, а ноздри медленно и едва заметно двигались в такт дыханию. Вера с минуту рассматри-

вала его черты – черты усталого, но вдумчивого и уверенного в себе человека. Как ни странно, чем дольше она смотрела на Юру, тем сильнее её одолевало желание встать и отойти, а лучше и вовсе уехать из этих мест, чтобы остаться наедине с собой и осмыслить то, к чему она уже так давно не возвращалась. Глядя, как он спит, Вера думала: «Он чужой и останется чужим. В моей жизни он появился лишь для того, чтобы что-то передать мне, о чём-то рассказать и дальше идти собственной дорогой, не сворачивая с неё. В лучшем случае, наши дороги станут параллельными, но соединиться в одну им не суждено, да и не нужно».

Сопrotивляясь неожиданному желанию уйти, Вера вместо этого медленно склонилась к Юриному лицу и приблизила свои губы к его губам. Она закрыла глаза и замерла на мгновение в миллиметре от его лица, прислушиваясь то ли к его дыханию, то ли к собственным чувствам. Нет, ни желание, ни горечь не всколыхнулись в её сердце. «Ты оказался прав, – мысленно произнесла она. – Я действительно ищущего-то. Только я ошиблась, решив, что не одинок в этом поиске».

Вера встала и быстрым шагом направилась в сторону океана. Ветер немного успокоился, дымка рассеялась, и даже выглянуло солнце. Вера закатала брюки до колен, вошла в воду и, испытывая наслаждение от её соленой свежести, умыла горячее лицо. А позади неё робкие волны продолжали монотонно облизывать безразличный песок.

Часть вторая

12

Андрея разбудил телефонный звонок. От неожиданности он подскочил в постели. «Уф», – выдохнул он, озираясь по сторонам и не сразу соображая, где он находится и откуда исходит звук. Наконец он локализовал жизнерадостно заливающийся телефон и перевел его в бесшумный режим.

«Что ж такое?» – подумал он, откидываясь снова на подушку. Раньше ничего подобного с ним не случалось. Он уже лет восемь подряд, просыпаясь, наблюдал обстановку этой комнаты, и поводов её не узнавать у него не было. Сколько, интересно, сейчас времени? Шесть пятьдесят утра. Десять минут до сигнала будильника. Звонил кто-то с неизвестного номера – скорее всего, ошиблись. А если действительно он срочно кому-то понадобился с утра пораньше? Ладно, перезвонят. А почему он один и рядом нет Иры? Нет... ну, точно что-то с головой... Она же ещё неделю назад уехала в Россию к родителям.

Странно – обычное время для пробуждения, а он совершенно не выспался. Хотя... что тут странного? Сам виноват. Зачем он до трёх часов ночи просидел вчера у компьютера, пил кофе и скачивал программы для работы с видео? А пока они загружались, путешествовал по просторам интернета. Нашёл блоги современных российских литераторов и зачитался. Среди прочего попался ему на глаза необычный рассказ. Зацепило название: «Рейс Москва – Пермь».

Рассказ был о судьбах тридцати людей, не знакомых друг с другом (полстраницы на судьбу). Все они они летели из Москвы в Пермь. Во время полета люди познакомились и разговаривали со своими соседями. Самолет взорвался в воздухе, не долетев до места назначения несколько километров.

Все истории пассажиров были разрознены. Единственное, что объединяло погибших, – это общие обстоятельства гибели. Однако Андрею не давала покоя мысль, что так не бывает. По крайней мере, в литературе. Должно быть ещё что-то общее между героями. Без этого «общего» рассказ не был рассказом, он распадался на тридцать маленьких историй. Андрей перечитал его повторно, и ощущение ускользания смысла только усилилось. Это было похоже на некий ребус или детектив. Но сколько он ни перебирал в голове детали сюжета, задача не хотела решаться.

Протирая усталые, словно присыпанные песком глаза, Андрей подумал, что на сегодня с него хватит. Но то ли из-за кофе, то ли из-за прочитанного он ещё долго не мог уснуть. Станный сюжет растревожил его. Может быть, ещё и потому, что Ира сейчас в России, хотя заезжать в Пермь она не собиралась: её родители жили в Ижевске. А может, само упоминание родного города так на него подействовало? Андрей не помнил, как уснул.

А, вот ещё что: ему ведь приснился сон – первый раз за последние пятнадцать лет. Снился ему самолёт, на котором он сам летел куда-то. Вдруг самолет этот начал падать, среди пассажиров началась паника. И тут Андрей подумал, что его с этими людьми ничего не объединяет, значит, и не может он взять и погибнуть вместе с ними. Самым правильным решением показалось ему зажмурить глаза и представить, что он уснул, а дальше всё будет элементарно просто – останется лишь проснуться дома, в своей постели. Андрей так и поступил: плотно-плотно, что есть силы, зажмурился и подождал немного, а когда разрешил себе открыть глаза, обнаружил себя лежащим в своей детской спальне.

Стену напротив пересекал знакомый ему луч солнца, а из кухни доносился разговор родителей и звук перебираемой посуды. Это мама готовила всем завтрак, а папа читал вслух

утреннюю газету и иногда отпивал из большой чашки чай, и после каждого глотка чашка с приглушённым звяком возвращалась на блюдце. А сам Андрей лежал не шевелясь, наслаждаясь давно забытым умиротворением и сказочным предвкушением очередного интересного дня. Он был ребёнком, и он был дома. Надо же было так случиться, что в этом месте сна и зазвонил злосчастный телефон! А может, и к лучшему, что он проснулся именно в этот момент. Неизвестно, что ждало его дальше в этом запутанном сне. Он вспомнил, что когда-то читал объяснение снов с двойным пробуждением, но самого объяснения не припомнил.

Вновь зазвонил телефон.

– Bueno, – сказал он в трубку.

– Это Мигель, – раздалось из телефона, – простите, я не рано?

– Не переживай, меня уже кто-то до тебя разбудил. Кстати, это не ты минут десять назад звонил? Что-нибудь случилось?

– Нет, не я. Извините, я думал, вы уже проснулись. Нам ведь через два часа надо быть в аэропорту. На самом деле я очень волновался – удалось ли вам решить проблему с видеороликами операций? Почему они не прокручиваются в презентации?

– Не переживай. Я нашёл нужные кодеки – теперь проблем не будет.

– Здорово! Спасибо. А то я даже спал плохо. У меня ведь завтра с самого утра доклад, на первой хирургической секции.

– У меня тоже, но я, заметь, никому не звоню в шесть утра. Ничего, прилетим, в отель заселимся – и целый вечер будет для отдыха.

– Смотря о каком отдыхе вы говорите...

– Мигель, ты взрослый мужик, а такие вопросы задаешь. Книжку считаешь перед сном – вот о каком. Ладно, всё. Увидимся в аэропорту.

Закончив разговор, Андрей убедился, что телефон заряжен достаточно. Сразу же приготовил зарядное устройство, чтобы не забыть его взять с собой. Пожалуй, чемодан – потом; сначала – кофе.

13

Однажды северный сосед Мексики, осознав, что Куба надолго перестала быть местом отдыха «капиталистов», начал вкладывать деньги в развитие курортов на Юкатане. Поэтому Канкун, а вслед за ним и Ривьера Майя стали довольно быстро развиваться. Обычный рай превратился в рай туристический со всей необходимой инфраструктурой: прекрасные дороги, дорогие отели с ресторанами, пляжами и бассейнами, эко-парки, спа-резиденции и т. д. Как и положено в раю, песок там совершенно белый и очень мягкий, а море имеет удивительный бирюзовый оттенок. Поблизости имеются коралловые рифы – мечта дайверов, а в придачу ещё и множество археологических памятников – построек времен цивилизации майя. Так что Канкун способен удовлетворить самые разные, в том числе и весьма притязательные вкусы.

Андрей любил туда ездить. Да и все мексиканцы любили. Вероятно, поэтому в Канкуне и проводилась каждая третья национальная конференция, в том числе и по урологии. Но в данном случае конференция ожидалась урогинекологическая и международная, а это вообще особое событие. Андрей должен был председательствовать на ней в двух секциях.

Регистрация участников проходила в фойе отеля. В ярких портфелях всем выдавали материалы конференции. Андрей отошёл к столикам, находившимся метрах в пятнадцати от стойки регистрации, и сразу же приступил к изучению содержимого портфеля, а точнее, только одной бумаги – списка участников.

Андрей ожидал встретить кого-нибудь из русских. Три месяца назад он даже позвонил и разослал электронные письма нескольким знакомым московским урологам, в том числе одному профессору, чтобы проинформировать о предстоящей конференции. По правде говоря, он не особенно рассчитывал, что они приедут. Люди не посещают одни и те же конференции из года в год. А на этой многие были прошлым летом в Париже. К тому же Мексика – слишком уж далеко. Так что шансов мало. И всё-таки он надеялся...

Заканчивая просматривать список участников, Андрей понимал, что всё меньше остаётся шансов увидеть в графе стран «Россия». Последние несколько букв алфавита он просмотрел уже вскользь. Так и есть – никого. Он отодвинул на дальний край стола злополучный список, а остальные бумаги резким движением убрал в портфель. И в ту же секунду ему стало неприятно – и от того, как он глупо надеялся, и от того, с какой насмешливой предсказуемостью не сбылась его надежда, и от того, как по-детски он обиделся на обманувший его листок. Злясь теперь уже на себя, он придвинул ни в чём не повинную бумагу и, секунду поколебавшись, убрал её в сумку вслед за другими материалами.

Его коллеги что-то оживлённо обсуждали за соседним столиком в холле отеля, где вся компания несколько минут назад прошла регистрацию. Предметом обсуждения был сегодняшний вечер. Материалы конференции совершенно никого не интересовали (может быть, потому, что мексиканцам некого было искать в списке участников?).

– Ничего там нет хорошего, и дорого всё. Ты, видно, давно не заглядывал в «Блэк Джек», – кипятился Роналдо.

– То, что ты мотаешься без конца по эндоскопическим конгрессам, не даёт тебе права решать всё за всех, – отвечал Мигель. – И то, что тебе надоел «Блэк Джек», ещё не значит, что он надоел всем остальным. Я там был, например, два года назад, и мне понравилось.

– Тебе понравился не «Блэк Джек», а та девчонка. Все помнят, как ты размахивал пачкой купюр, привлекая её внимание. Помнится, даже пришлось тебя урезонивать.

– Подумаешь! Какой правильный выискался! Я, между прочим, своими деньгами размахивал, а не твоими.

– Эй, друзья! А не лучше ли вам успокоиться? – присоединился к обсуждению Андрей. – Давайте-ка я сам решу, кто что будет делать и куда мы пойдём.

Андрей, будучи шефом нескольких урологов из собравшейся здесь компании, обычно не был склонен злоупотреблять своим административным положением, но сегодня ему вдруг захотелось этой привычке изменить.

– Профессор! Хорошо, что вы пришли. Вы ведь тоже здесь часто бываете! Может, подскажите, где лучше провести вечер? – с надеждой обратился к нему Мигель. – Что думаете насчёт «Блэк Джека»?

Андрей, признаться, и сам был не против отправиться в «Блэк Джек» – самый известный ночной клуб в Канкуне, славившийся своим table dance. Может, ничего сверхъестественного и особо нового они не увидят, но зато и неожиданностей не случится (а неожиданности в таких делах, как известно, чаще бывают неприятного свойства). Вечер пройдет, по крайней мере, «на уровне» и без приключений. Но почему-то вдруг ему показалась неуместной беззаботность друзей-мексиканцев, не знавших других проблем и терзаний, кроме выбора ночного клуба на сегодняшний вечер. И вместо того, чтобы окончательно утвердить выбор «Блэк Джека», он сказал:

– Тебе, Мигель, если ты не забыл, завтра выступать рано утром. Так что никуда мы не пойдём.

Роналдо злорадно осклабился.

– Вот это правильно, доктор Андрей. Нечего отвлекаться от научной программы. Тем более людям с неуравновешенной психикой, – он исподтишка глянул в сторону Мигеля.

Мигель стоял красный и молчал.

– Но хотя бы завтра мы тудаходим? – спросил он мрачно.

– Завтраходим, – смягчился Андрей. – А Роналдо, как мне кажется, без нас ещё и быстрее ориентируется в программах местных клубов. И утром всем нам расскажет.

Конгресс шёл своим чередом. Программа была плотная, научная часть перетекала в развлекательную без пауз и промежутков. Андрей был доволен и своим утренним докладом, и последующим обсуждением, проходившим в рамках хирургической секции. Он был на высоте: в извечном споре со своим оппонентом – профессором из Национального университета – Андрей сегодня одержал сокрушительную победу, а его видеопрезентация была явно более убедительной.

Вечером на второй день все отправились в выбранный накануне клуб, тем более что и встретившиеся докторам из Мехико-сити коллеги из Веракруза и Чигуагуа тоже туда собрались. Компания образовалась большая и весёлая. К ним присоединились некоторые ценители жанра из Чили и Аргентины. Многие были знакомы друг с другом. Андрея знала большая часть докторов, поскольку он бывал председателем на многих конгрессах, как национальных, так и латиноамериканских, а также вёл эндоскопические курсы.

За столиками было оживлённо. Программа была новая, девушки выступали хорошо. Мигель держался поближе к своему шефу и веселил того своей юношеской непосредственностью. Последняя выражалась в том, как восхищённо он смотрел на танцовщиц и как радовался их особенно нескромным движениям. Андрею было забавно наблюдать реакцию молодого подчинённого. Сам он уже давно утратил свежесть восприятия.

Нельзя было сказать, чтобы женщины не интересовали его. Скорее напротив, он умел находить удовольствие даже в самом поверхностном общении с ними. Непринуждённый разговор, который Андрей с возрастом научился умело вести, включал элемент ни к чему не обязывающего, но изысканного флирта. Поведение зрелого, умудрённого опытом мужчины, по всей видимости, притягивало к нему представительниц противоположного пола. Они с удовольствием принимали его ухаживания и в ответ также флиртывали.

Может быть, по той же причине из всей компании собравшихся за столом мужчин девушка-танцовщица выбрала именно Андрея? А может, она просто сочла его за американца.

Так или иначе, но именно ему адресовала она свой танец, к нему обращались и движения её тела, и её взгляд. В этом плане разгорячённый Мигель не прогадал, заняв место рядом со своим шефом. Ему тоже выпадало внимание танцовщицы, и её подвижное гибкое тело вызывало у него ту самую непосредственную реакцию, столь забавлявшую Андрея.

Танец менялся вслед за музыкой. Чем быстрее она звучала, тем зазывнее и откровеннее танцевала девушка. По всей видимости, это была одна из лучших танцовщиц в клубе. Она притягивала взгляды мужчин, сидевших за соседними столиками, образуя вокруг себя центр всеобщего внимания. Кроме того, у девушки были светлые волосы и серые глаза. Она не была похожа на мексиканку. Её длинные белые руки и бедра с каждым тактом едва заметно, но очень уверенно приближались к Андрею, обволакивая его своим ритмичным покачиванием. Вскоре он уже мог различить светлые, едва заметные волоски на её коже.

Надо сказать, что мексиканки различными способами борются со свойственным им повышенным оволосением, и потому их кожа отсвечивает особым бронзовым глянцем, который всегда отталкивал Андрея своей ненатуральностью. А у этой девушки не было никакой необходимости избавляться от нежного пушка, не имевшего ничего общего с гирсутизмом южанок. Эта маленькая живая деталь вдруг сильно взволновала Андрея. По его собственной коже побежали мурашки. Золотистые волоски на теле девушке были видны так отчётливо, а ритмичные движения её рук, живота и бедёр стали так близки и столь непозволительно откровенны, что неожиданно для самого себя Андрей почувствовал, как волна возбуждения захлестнула его.

И в этот миг музыка неожиданно изменилась: зазвучала *Besame Mucho* в исполнении совершенно ангельского, почти детского голоса. Такой версии известной песни Андрей раньше не слышал. Как только песня началась, танцовщица довольно заметно отстранилась от своей «жертвы», и «просьбу о поцелуе» выражала теперь очень медленным танцем преимущественно рук и верхней части тела. Эта некоторая отстранённость и почти невинные движения составили явный контраст предыдущему танцу, и, возможно, от этого возжелание физическое сменилось необъяснимым душевным томлением. Андрей мог бы поклясться, что ни один интимный танец не задевал его за столь глубокие струны.

После окончания танца многие девушки «выходят в зал», то есть позволяют мужчинам посадить себя на колени или по специальному заказу исполняют индивидуальный танец в одной из уединённых комнат второго этажа, куда по очереди удаляются со своими расщедрившимися и покрасневшими спутниками. Андрей ждал, что подобное случится и в этот раз. Девушка уже явно сделала свой выбор и непременно должна была к нему подойти как минимум за чаевыми. Но она почему-то исчезла, а вместо неё к их столику уже приближались две другие танцовщицы. Одна из них обхаживала довольного Мигеля, а другая направилась прямо к Андрею. Когда она приблизилась, Андрей движением пальца пригласил её наклониться и поинтересовался, куда ушла её предшественница. На что получил ответ, что той запрещено задерживаться в клубе дольше часа ночи, поэтому она уже, наверное, отъезжает от запасного выхода на заднем дворе. «А не могла бы ты передать своей подруге вот это?» – спросил Андрей и, не дождавшись ответа девушки, вложил в её руку довольно крупную купюру и вышел из-за стола. На вопрос Мигеля, куда он уходит, Андрей ответил, что устал после перелёта и всех сегодняшних событий и хочет выспаться.

Андрей вышел на улицу. Ночь, к счастью, была не такая жаркая, как день. Тем не менее воздух был плотный и нёс в себе причудливую смесь запахов моря и прибрежных ресторанов. Не хватало свежести (в Мексике Андрею всегда не хватало свежести), но, подумав минуту, он решил, что даже такой воздух будет ему сегодня полезнее, чем продукт работы кондиционера в отеле. Стремясь скорее избавиться от запахов барбекю, Андрей свернул к пляжу. У кромки воды вполне можно было найти уединение, недоступное в дневное время суток.

Он шёл вдоль воды босиком, позволяя тёплому прибою омыwać его стопы. Удивительно, как мог танец настолько тонко передать драматизм динамики чувства? Не изолированного плотского притяжения, а чего-то давно забытого, родом из юности? Того, как сексуальный накал в исключительных случаях сменяется безнадёжным растапливанием души, удовлетворить которое уже и вовсе невозможно. За этим обычно следует опустошение и разочарование. Что-то давно забытое и несбыточное, а оттого и болезненно-томительное, пробудила в нём сегодня белокожая танцовщица.

14

Последующие дни конгресса шли без особого напряжения, а ночи – без лишних сновидений. Иными словами, отдых получался полноценный – впервые за несколько последних месяцев. Хирургические секции, на которых Андрей председательствовал и читал лекции, закончились в первые полтора дня. Последующие заседания он мог себе позволить посещать выборочно.

Просмотрев мельком программу оставшихся двух дней конференции, Андрей сразу же решил пропустить целиком секцию про качество жизни. Эта тема была нынче весьма популярной, и Андрей, безусловно, старался быть в курсе хотя бы основных тенденций (их он отслеживал по научным публикациям), но вот отсиживать пару-тройку самых сладких послеобеденных часов в аудитории под усыпляющие звуки докладов, посвящённых психометрическим анкетам и их трактовке, он считал уже выше своих сил.

Будучи оперирующим врачом, он не был одинок в своём слегка пренебрежительном отношении к данной кропотливой и неоднозначной тематике. Поэтому в этот день Андрей решил удалиться сразу после обеда, а в последний день конференции вообще заседания пропустить и вместо них отправиться на рифы, где можно от души понырять и отключиться от профессиональных забот. Тем более отъезд был запланирован на следующее утро и другого времени для отдыха не оставалось. А то, что отдых был жизненно необходим, не вызывало сомнений.

Дни, недели и месяцы Андреевой жизни были под завязку заполнены работой. Помимо должности главного врача крупной урологической клиники в центре Мехико он имел собственную частную практику, плюс его регулярно приглашали на консультации и сложные операции в другие госпитали, в том числе и в соседние города. Ему приходилось готовить курсы и презентации для различных обществ, в которых он состоял, а также для обучающихся и научных семинаров. На это уже уходило ночное время суток.

Неудивительно, что состояние хронического недосыпа сделалось для него привычным, а жалкие крохи свободного времени посвящались мыслям о работе и околопрофессиональному общению.

Жена беспокоилась о его здоровье и всячески увещевала «сбавить темп» и «поберечь себя», но Андрей не желал расставаться с привычным ритмом жизни. Он, что называется, горел на работе и получал от этого своеобразное удовольствие, хорошо известное увлечённым людям. К тому же в Мексике открылись новые перспективы для профессиональной реализации, неведомые Андрею в прошлой, российской жизни.

Так что заботливой Ире, к тому времени уже наслаждавшейся возможностью не работать (достижение, которым сам Андрей гордился), ничего другого не оставалось, как смириться с почти постоянным отсутствием мужа, а теперь ещё и дочери, которая в этом году заканчивала университет и вела свою, неведомую для родителей, самостоятельную жизнь.

Ира нашла достойный компромисс: она каждый день готовила свежие обеды и отвозила их в госпиталь Андрею. Это позволяло, во-первых, быть уверенной, что её муж не останется голодным и не закажет какой-нибудь вредоносный сэндвич, а во-вторых, они могли провести вместе хотя бы дополнительные полчаса в середине дня. А при такой занятости мужа это немало.

Ланч, разделивший утреннюю и дневную секции, проходил в холле второго этажа, там же, где располагались стенды спонсоров конгресса – фармацевтических компаний и производителей хирургического и диагностического оборудования. Теперь, освободившись от дел, Андрей

мог не торопясь побеседовать с представителями спонсоров, многие из которых были его хорошими знакомыми.

Первым делом он отправился к стенду испанской компании, производившей расходные материалы для эндоскопических операций и хирургические инструменты. С этими испанцами Андрей был знаком уже пару лет, он приметил их на одной из международных конференций. Приглянулись они ему своей открытостью и восприимчивостью к новым научным и бизнес-идеям. Он помог им зарегистрировать часть их продукции в Мексике, а они в ответ выбрали его своим научным консультантом и опиньон-лидером по Латинской Америке. Ко всему прочему их президент отличался большим жизнелюбием, понимал толк в хорошем вине и кулинарных изысках. В последнее время они регулярно пересекались на международных и мексиканских конгрессах, и помимо делового общения у них завязались тёплые приятельские отношения. Совместные походы в рестораны (их с большим вкусом выбирал Алехандро) сделались своего рода доброй традицией. На этот раз исключений также не предвиделось.

– Здорово, дружище! – наперебой произнесли Андрей и Алехандро, радостно смеясь, обнимаясь и похлопывая друг друга по плечам.

– Очень рад видеть! Мне так жаль, что не удалось посмотреть твоё выступление. Но от стенда разве отойдёшь? – сетовал Алехандро.

– Ты не так уж много потерял, тем более ради тебя я готов повторить свой доклад ещё раз. Как в театре одного актёра и одного зрителя. А если серьёзно, то я могу сбросить тебе с ноутбука презентацию и видео – там, между прочим, кое-где я вашими инструментами оперирую.

– Вот это приятно, ничего не скажешь. Лучший подарок за последние дни. Вечерком сбросишь, ладно?

– Договорились! Но уже, видимо, после ресторана? – подмигнул Андрей.

– Конечно! А как иначе? Причём после самого лучшего ресторана! – смеялся и сверкал белоснежными зубами Алехандро.

– Я даже не сомневаюсь, что ты уже успел разведать, где здесь самая изысканная кухня и где подают лучшее в Канкуне вино. Я прав?

Алехандро хитро улыбнулся:

– Разумеется, разведка мне всё донесла. Идём в самое лучшее место, не сомневайся.

– Да кто бы сомневался... Во сколько и где встречаемся?

– Завтра в семь вечера в холле отеля. Пойдёт?

– Конечно! Утром мы съездим понырять на рифы, а к семи как штык буду в городе.

– Буду ждать. Кстати, хочу тебя кое с кем познакомить. Если я не ошибаюсь, ты ведь из России?

– Да.

– В таком случае, я уверен, что ты захочешь пообщаться с соотечественником. Я прав?

– Конечно! А кто это? – спросил Андрей и с недоумением подумал: «Как же я мог пропустить его в списке?»

– Вон видишь, с моим помощником разговаривает парень? Он американец, у нас с ним есть один общий проект. Потом расскажу, или он сам тебе расскажет. Его зовут Джордж, и он тоже из России.

– Как интересно! Давай, знакомь нас!

И Андрей с Алехандро направились к соседнему столику, за которым обедали сотрудники испанской компании и куда только что подошёл Юра, именуемый ими на американский манер Джорджем. Алехандро по-английски представил друг другу бывших соотечественников, а сам, чтобы не мешать им, включился в беседу со своими испанскими коллегами.

Мужчины обменялись рукопожатием, и, словно пробуя перо, Андрей представился по-русски:

– Здравствуйте. Меня Андрей зовут.

Юра секунду молча смотрел на Андрея, как будто мысленно переводя на другой язык сказанное им, и вдруг лицо его расплылось в широкой улыбке и он рассмеялся. Но, тут же опомнившись, он поспешил объяснить смущённому собеседнику причину своего неожиданного веселья:

– Извини. Это, наверное, невежливо с моей стороны – смеяться, даже не представившись. Меня зовут Юрий. Я из Калифорнии. И по-русски мне не часто приходится разговаривать. А засмеялся я, ты не поверишь, именно из-за этого. Дело в том, что я не один приехал. Я вас познакомлю: её зовут Вера. Пару минут назад мы с ней шли по этому залу, и она говорит мне буквально такую фразу: «Как здорово говорить на языке, который никто вокруг не понимает». Я ей возразил: «Никогда нельзя быть уверенным в этом. Везде найдётся кто-нибудь, кто знает русский», а она не сдаётся, мол, «в списке участников нет никого из России». И только я ей объяснил, что это ещё ничего не значит, как Алекс знакомит меня с тобой. Вот я и смеюсь. А ты откуда?

– Я из Перми. То есть из Мехико. А в общем, и оттуда, и оттуда. Как и ты, наверное, тоже не только из Калифорнии?

– Да, для начала я из Новосибирска, – подтвердил Юра. – Очень рад с тобой познакомиться. Надеюсь, нам удастся чуть позже поболтать. Просто пока ланч не закончился, мне надо решить несколько вопросов с этими ребятами, – Юра кивнул в сторону испанцев.

– Конечно, предлагаю ближе к вечеру пересечься и поболтать. Я так рад встретить соотечественников! Обычно хоть кто-то приезжает, а в этот раз я уж и надежду потерял. Можем, кстати, вместе поужинать.

– Так и сделаем. А пока пойдём к Вере. А то она меня уже потеряла, наверное. Я ведь отправился чаю налить и застрял тут.

Юра с Андреем пересекли холл. На другом конце зала за столиком сидела молодая женщина. Завидев их, она улыбнулась и поднялась навстречу. Было заметно, что она обрадовалась Юриному появлению. Андрея она измерила коротким взглядом – довольно дружелюбным, но всё-таки измерила. «Может, я им помешал? Недаром она смаковала тему, что тут нет других русских...» – мелькнуло в голове у Андрея.

– Знакомься, Вера, это Андрей, – сказал Юра и заговорщицким тоном добавил: Он как раз *говорит по-русски*.

Вера в ответ рассмеялась и тут же принялась извиняться и оправдывать свой смех тем же рассказом, что минуту назад поведал ему Юра. Андрей терпеливо выслушал повторение забавной истории и вежливо улыбнулся.

Пока Вера говорила, Андрей имел возможность рассмотреть собеседницу: высокая, с хорошей, даже спортивной, фигурой, длинная шея и руки, как, впрочем, и ноги, что он также не преминул отметить, голова чуть наклонена набок, короткие волосы, подвижные брови, тонкие губы, улыбка очень приятная, но не щедрая, а какая-то сдержанная, как будто настороженная, ожидающая ответной реакции от собеседника. Глаза умные, проницательные.

Вера говорит, а сама наблюдает за ним, изучает его. С такими женщинами интересно: разговаривать, встречаться на званных обедах, в ряде случаев даже флиртовать. Но не больше. «Сложный психологический тип, эпилептоидный», – по привычке оценил Андрей свою собеседницу (он когда-то увлекался психологией и не без успеха применял свои знания в жизни). Минуту назад Андрей думал, что Вера – жена или «подруга» Юры, а теперь стал сомневаться. С Юрой они явно были давно знакомы, но то, что они не близкие люди – почти наверняка. Значит, Вера – тоже врач. «Так. Пришёл мой черед задавать вопросы», – подумал Андрей, чувствуя, что новая знакомая повела нить разговора.

Выяснилось всё быстро: Вера вообще не из Америки, а из Санкт-Петербурга (здорово, ещё и лучше!), врач, приехала выступать с докладом. Так, а почему тогда он не видел её в списке участников?.. Вместе с Верой они просмотрели список ещё раз: её фамилия была

в самом конце алфавита, на последней странице, а как раз эту страницу Андрей просматривал уже совсем бегло. Теперь всё ясно... Имеются, между прочим, муж и ребёнок. Портрет хоть и набросками сделан, но вполне завершённый. Какие ещё вопросы? Ах да, Юра. Сейчас выясним... Ну вот, познакомились в Сан-Диего несколько лет назад, периодически ездят друг к другу в гости, дружат «семьями». На этот раз она к нему приезжала. Чего проще? Но всё равно что-то оставалось для Андрея непонятным. Прояснять он любил, поэтому решил продолжить это занятие, если выдастся удобный случай в оставшиеся дни конференции.

Пока они разговаривали, к ним подошли Юра с Алексом. Общение продолжилось на английском языке. Планы менялись на ходу: ресторан переносился, оказывается, на сегодня, поскольку завтра после обеда Юра уезжает, а его тоже хотели видеть на вечеринке. Алехандро был представлен Вере. Галантный испанец, недолго думая, стал и её приглашать в ресторан. Вера слегка растерялась. Ей, видимо, хотелось пойти со всеми. Но, поколебавшись мгновение, она сказала:

– Сегодня, к сожалению, не получится. Через час у меня доклад, а потом сразу же автобус. Мы едем на пирамиды. У нас уже компания подобралась, я обещала быть и даже билет купила.

– А что за компания? – спросил её Юра. – Это те ребята из Словении и Англии?

– Ну да, а ещё из Чили, – ответила Вера и, уже обращаясь к Андрею, пояснила – мы с ними вчера на Welcome reception познакомились.

– А ты, Юра, почему с ними не едешь? – зачем-то спросил Андрей.

– Мы с женой уже были на пирамидах несколько лет назад. Поэтому в этот раз я решил не дублировать. Да и устал – хочу в номере отлежаться.

«Оставляет её одну – странно. А с нами в ресторан идти не отказался», – подумал про себя Андрей, а вслух спросил:

– Вера, я бы хотел послушать ваше выступление. Вы не против? Через час – я правильно понял?

– Правильно. Приходите, я буду очень рада. У меня доклад на третьей секции – по качеству жизни и субъективным результатам.

– Вот как? Выходит, я плохо знаком с программой. Если бы я знал, что вы делаете доклад, то ни за что бы не вознамерился «прогулять» эту секцию. Но теперь уж точно – никаких прогулов, – весело подмигнул Андрей, и Вера в ответ тоже улыбнулась.

Верино выступление прошло отлично. Несмотря на доморощенный английский с весьма заметным акцентом, держалась она уверенно, хорошо ориентировалась в теме, бойко отвечала на вопросы аудитории. Юра и Андрей наперебой хвалили её, когда они вместе выходили из конференц-зала. Вера разругалась и выглядела очень счастливой. «Любит, когда её хвалят. Честолюбива», – подумал Андрей. Ему было приятно наблюдать её живую отзывчивую реакцию на его слова, нравилось, как она шутила и смеялась в ответ. И как-то вдруг не захотелось, чтобы Вера уезжала на пирамиды с чужой компанией. «С другой стороны – зачем мы ей? Таких, как мы, полно и в России, а здесь ей гораздо интереснее с иностранцами пообщаться», – подумал Андрей. Но озвучил другую, вдруг родившуюся мысль:

– Вера, а завтра у вас какие планы? Вы не хотите присоединиться к компании мексиканцев и заняться snorkeling на рифах?

– Заняться чем? – напряглась Вера.

– То есть как «чем»? Плаванием с маской и трубкой, сноркель. В нашем случае – чтобы посмотреть красивых рыбок. А вы что подумали? Даже интересно, – подтрунил над собеседницей Андрей.

– Я и слова-то такого не знаю, – засмеялась Вера. – Я всегда считала, что это дайвингом называется.

– Сноркелинг – тоже вариант дайвинга, но только для чайников, вроде нас, – ответил Андрей.

– Что и говорить! От такого предложения сложно отказаться. Заняться каким-то сноркелем, да ещё на рифах! Да ещё с чайниками-мексиканцами! Тут ни одна девушка не устоит. А если серьёзно, то надо подумать. Я хотела на утреннюю секцию завтра сходить, – она бросила быстрый взгляд на Юру.

– Да брось ты, Вера, соглашайся, – поддержал Юра. – Тебе надо немного развлечься. Хватит того, что я пойду на эту секцию. Обещаю всё внимательно слушать, а потом вам всем расскажу.

– Ну, раз так – уговорили, – согласилась Вера.

– Прекрасно! Тогда завтра в девять утра в холле «Фиеста Американа». Договорились? – спросил Андрей.

– Договорились, – ответила Вера.

15

В фойе отеля «Фиеста Американа», где, собственно, и проводилась конференция и где остановилось большинство участников, уже с утра былолюдно. Вера пришла сюда из соседнего Hyatt, где номера были чуть дешевле. «Фиеста» вся сверкала как снаружи (подсветкой), так и внутри (позолотой), старательно оправдывая свои «пять звезд с плюсом».

Найти в толпе мексиканскую компанию оказалось легче, чем Вера могла бы ожидать, очутившись в огромном холле, полном людей. Андрей был выше всех остальных, одет в белую рубашку с короткими рукавами и летние брюки. Примерно так же были одеты и остальные, своим навязчиво-туристским «прикидом» составляя контраст людям в деловых костюмах, преобладавшим в помещении. Контраст усугублялся их громкой речью, перемежавшейся заливистым смехом. «Видно, что они тут у себя дома, прямо как рыбы в воде. И как они не похожи на вчерашних солидных докторов», – подумала Вера, с опаской приближаясь к шумной, незнакомой ей мужской компании.

Мексиканцами тут были не все, хотя все жили и работали в Мехико: Роналдо оказался евреем из Боливии, Хорхе – чилийцем. Но по-настоящему выделялся из них только Андрей: высокий, белокожий (как выяснилось потом, он плохо загорал на солнце, а всё больше сгорал – не самое полезное свойство для жизни в субтропиках), с русыми, немного удлинёнными волосами, зачёсанными набок, но упрямо спадавшими ему на лоб, русой же бородой и усами, которым он не очень-то мешал преодолевать границу «двухнедельной небритости», открытым лицом, искренней улыбкой, обнажавшей ряд ровных белых зубов, заразительным раскатистым смехом, – он совершенно не вписывался в Верино представление о том, как должен выглядеть мексиканец. Не был он похож и ни на кого из знакомых ей эмигрантов. Вера не могла не сравнить Андрея и с Юрой: насколько напряжённым и задумчивым было Юрино лицо и напористой его речь, настолько же открытым, жизнерадостным и спокойным выглядел Андрей. Создавалось впечатление, что человек не испытывал в своей жизни ни разочарований, ни ломки, столь знакомой всем эмигрантам, что неведом был ему «языковой барьер» да и какие-либо иные «барьеры». Не было заметно и одержимости работой: разговор сразу завязался очень непринуждённый, на самые разные ни к чему не обязывающие темы.

Через каких-то полчаса у Веры появилось удивительное ощущение, что с её души сняли бетонную плиту, – настолько легко и весело ей вдруг стало. Ушла напряжённость и мысли о Юре, о его судьбе и предназначении, а также о собственном будущем. Разве не стоило благодарности это усилие судьбы, которое забросило её сюда, в райское место, где они стоят на причале с видом на самое лазурное на свете море, где утреннее карибское солнце розово-оранжевыми мазками разукрашивает рябь на воде, а рядом смеются жизнерадостные люди?

Но вот все организационные вопросы решены. Компания разделилась на три пары, каждой из которых досталось по моторной лодке. Четвёртую лодку заняли две американские девушки, взявшиеся неизвестно откуда на этом же причале. У девушек был невыспавшийся, надутый и даже укоризненный вид: их раздражало громкоголосое общество мексиканцев. Что с таким выражением лиц они хотели получить от поездки по морю, похоже, не очень понимали и сами девушки. Андрей не преминул кивнуть Вере в направлении угрюмых представительниц Соединённых Штатов:

– Похоже, мы усугубляем их головную боль после бурно проведённой ночи, – подмигнул он.

– Откуда ты знаешь? Может, вовсе наоборот, – они *слишком* хорошо спали сегодня ночью, оттого и недовольны, – предположила Вера.

– Если даже и так, то, оставаясь и дальше с таким выражением лица, им вряд ли удастся переломить ситуацию к лучшему. И тогда сегодняшняя ночь будет столь же тоскливой.

Лодки отчалили и, быстро набирая ход, понеслись за проводником. Вера вызвалась управлять лодкой, в которой они разместились вдвоём с Андреем. Несмотря на то, что Вера это делала первый раз в жизни, она была уверена, что справится с управлением. Чем дальше они отходили от берега, тем крупнее становились волны, и тем выше подлетала лодка.

Вместе с лодкой взлетали и Вера с Андреем, причём Вера не уставала удивляться двум вещам: почему никто не позаботился сделать сиденья в лодках мягче и что с ней самой случилось, если она позволяет себе так громко хохотать и визжать на «ухабах» и резких поворотах, когда ягодицы на большой скорости встречаются со скамейкой, а солёные брызги обдают с головы до ног. Справедливости ради следует сказать, что из соседних лодок неслись такие же вопли. Мужские голоса, как ни забавно, преобладали, но и американки не давали спуску соседям по приключению.

Хохот продолжался и потом, когда, преодолев очередной «коридор» мангровых зарослей, они, наконец, прибыли к рифам. Пришлось притихнуть на несколько минут, чтобы выслушать нехитрый инструктаж проводника.

Сперва Вера покорно принялась примерять выданные ей оранжевый пробковый жилет и трубку, но уже через минуту сбросила на дно лодки все эти неудобные приспособления. Вера была отличным пловцом и не терпела ограничений.

На глазах у изумлённых мужчин она за пару секунд очутилась в воде в нескольких метрах от лодок. Её разгорячённое тело омывала на редкость солёная, тёплая и до странности плотная вода. Не успела Вера ещё раз удивиться предназначению спасательного жилета в такой воде, где нырнуть на полметра составляет больше труда, чем всплыть, как вдруг вокруг неё возникла бирюзовая коралловая страна с сотнями разноцветных рыб, затейливыми зарослями и таящими в углублениях рифа мелкими и совсем не страшными чудовищами.

Вера не ведала усталости и увлеченно исследовала все изгибы рифа. После каждого вдоха, на который ей требовались доли секунды, она подолгу находилась под водой, окружённая тишиной и красками кораллового мира. Ни жилет, ни трубка не мешали ей нырять, и она, уплыв дальше, чем дозволялось буйками и правилами, почти позабыла об остальных. Сколько времени она провела в этом таинственном мире, Вера вряд ли могла бы определить.

К реальности её вернуло неожиданное появление рядом Андрея. Он плыл в своём жилете, а в руке переплавлял ещё один. Как и она, он тоже был без трубки и двигался довольно быстро, гребя одной рукой и дыша в воду по-спортивному. Вера заметила его, когда всплыла за очередной порцией воздуха. Оранжевый цвет обоих жилетов заставил её вздрогнуть. В коралловом мире не было таких крупных и таких ярких обитателей. К счастью, носитель оранжевого панциря оказался не обитателем рифа, а его гостем, как и она сама.

– Я приняла тебя за чудовище, – рассмеялась Вера. – Как хорошо, что я обозналась.

– Видишь, как опасно надолго уплывать от людей, можно забыть, как они выглядят, – ответил Андрей.

– Да уж, я увлеклась, это точно, – согласилась Вера, оборачиваясь к лодкам и измеряя взглядом расстояние до них.

– А я тебе жилет пригнал. Ты уплыла, и тут же появилась водная полиция. Они тебя не заметили, но инструктора всполошили, что ты уплыла за буйки, да ещё без жилета. Их, вообще-то, могут за это лицензии лишить. Я вызвался тебе жилет доставить, сказал, что ты не понимаешь по-испански. На, держи.

– Даже в море нет покоя от полиции, – заметила Вера, покорно натягивая на себя жилет.

– Поплыли обратно, скоро надо будет возвращаться.

– Это и к лучшему, а то я чувствую, что устала, – ответила Вера и, чтобы немного отдохнуть, перевернулась на спину и поплыла рядом с Андреем, приподняв голову из воды и продолжая с ним разговаривать.

– Ну, по тебе это не заметно, ты так быстро плаваешь, – сказал Андрей, сквозь воду рассматривая гибкое спортивное тело своей собеседницы.

– У тебя тоже быстро получается, – отозвалась Вера. – Ты занимался плаванием?

– Как таковым плаванием – нет. Но всё лето я в детстве проводил на даче, а дача у нас на Каме была, и мы постоянно купались. А когда стали постарше, переплывали Каму на спор. В наших краях она, между прочим, шириной километр.

– Здорово! И ты быстрее всех переплывал?

– Почти. На самом деле среди нас были пловцы, и некоторые иногда меня обгоняли.

– *Иногда?* – с хитринкой прищурилась Вера.

– Да, *иногда*, а что? – широко улыбаясь, вскинул голову Андрей, этим театральным жестом выказывая готовность противостоять игривому недоверию собеседницы.

– Ты хочешь сказать, что в некоторых случаях спортсмены тебе проигрывали?

– Конечно, – так же театрально ответил Андрей.

Вера весело рассмеялась. Андрей тоже. Сквозь смех они продолжали свой разговор:

– Может, ты и меня обгонишь? – спросила Вера.

– Запросто, – не сдавался Андрей.

– Ну это мы ещё посмотрим.

– Может, устроим заплыв, а? – предложил Андрей. – Вон, видишь, те ряды буйков? Между ними как будто плавательная дорожка. Как думаешь, сколько она длиной? Метров тридцать?

– Где-то так. Я думаю, нам хватит.

– Отлично! Плыдем туда? – окончательно завёлся Андрей.

– Да, сейчас поплывем. Надо только жилеты где-то оставить, а ещё нам судьи нужны. Это же серьёзное дело – соревнования.

– О'кей, давай Роналдо в судьи возьмём, – предложил Андрей. – Как назовём наш чемпионат?

– Russian Open. Как тебе?

– Отлично! Только не слишком ли уж он *оупэн*?

– Да, такой *оупен*, что уж почти и не *рашн*.

Они снова рассмеялись и повернули в сторону лодок.

Вскоре организовался целый судейский комитет плюс зрительская поддержка. На спонтанно организованный «Рашн Оупэн» засмотрелись даже угрюмые американки, настолько много суеты проявлял шумный оргкомитет.

Каждый пытался посоветовать, откуда лучше стартовать, где должна располагаться линия финиша и что просто необходимо весь заплыв снимать на камеру, чтобы потом, в случае спорных результатов, проанализировать фотофиниш.

Так и сделали. Мигелю выдали видеокамеру и строго наказали не особо её сотрясать во время съемки; один судья в своём бесформенном жилете расположился на старте, другой – на финише. Подогнали лодку, и в неё залезла часть зрителей. Остальные флотировали вдоль буйков, окружив с двух сторон плавательную дорожку.

– А вдруг я тебя обгону? Не боишься? – спросила Вера Андрея, когда они уже стояли на старте. Вера знала свои возможности и не боялась их переоценить.

– Я девушек обычно обгоняю, – уверенно, но весело отвечал Андрей.

– Ну-ну.

Веру разобрал невероятный задор. Что-то подобное случалось в ранней юности, когда они с подругой выезжали на Финский залив или на озера Карельского перешейка и Вера «на спор» состязалась с мужчинами-отдыхающими. Видимо, тем не давало покоя зрелище довольно быстро плывущей девушки, и они подходили к ней с предложением посоревноваться. Веру это забавляло, и она редко отказывалась. Обычно она назначала цену спора и всегда выиг-

рывала. Происходило это всё в девяностые годы, и бутылка «Мартини», коробка шоколадных конфет или палка копчёной колбасы, покупаемые горе-спортсменами в расплату за свою самоуверенность, приходились весьма кстати двум весёлым подругам-студенткам, почти никогда не имевшим собственных денег.

Роналдо скомандовал на старт. Забавно, что язык, на котором будет дана команда, долго согласовывали, и в итоге новоиспечённый судья был обучен трём русским словам. Взяв старт, Вера сначала поплыла не в полную силу, поглядывая краем глаза на своего азартного соперника и не пытаясь его обогнать. В прозрачной воде видимость была лучше, чем в бассейне.

Вера с трудом сдерживала себя: кипевшие в ней силы рвались наружу, а смех душил, мешая свободно дышать. Но, когда половина дистанции была преодолена, Вера рванула вперёд. За оставшиеся метры она вырвалась вперёд настолько, что, уже стоя на линии финиша, имела возможность с улыбкой наблюдать, как под радостное улюлюканье своих коллег-соотечественников старательно финиширует её соперник.

– Да, – сказал Андрей, одновременно смеясь и пытаясь отдышаться после заплыва. – Вы меня, девушка, обманули, не сообщив перед стартом свою весовую категорию. Это нечестно.

– Зато весело, – отвечала Вера, хитро поглядывая на Андрея. – Жалею, что не был учреждён призовой фонд.

Они ещё долго продолжали шутить и подтрунивать друг над другом, но Вера чувствовала, что теперь, после этого комического чемпионата, что-то изменилось, и уже под другим углом смотрел на неё её новый знакомый.

Обратный путь вновь предоставил путешественникам возможность испытать те же эмоции, и вновь они хохотали, как дети, подпрыгивая на водяных ухабах.

После путешествия по морю вся компания не на шутку проголодалась. Но обедать решили поближе к отелю, поскольку была договорённость встретиться с Юрой.

Появление за их столом сдержанного, одетого уже по-дорожному и задумчивого Юры вызвало у Веры смешанные эмоции. Когда вчера во время ланча она поняла, что ни вечер, ни следующее утро они не проведут вместе, она в очередной раз испытала щемящее, тоскливое чувство, ставшее постоянным её спутником в последние дни. Лишь этот обед был призван ненадолго объединить их вновь, и потом они расстанутся уже неизвестно на сколько. Однако теперь, когда Юра действительно пришёл и сел рядом с ней за стол, она поняла, насколько вчерашнее её расстройство контрастирует с сегодняшним приподнятым настроением. Приход Юры, видимо, только на неё произвел сдерживающее влияние. Остальные продолжали болтать как ни в чем не бывало и постепенно вовлекли Юру в общее веселье.

Когда трапеза, наконец, подошла к концу, все мексиканцы обменялись с Юрой визитками, и тот встал из-за стола, собираясь раскланяться и уйти. Все поднялись и по очереди подходили к нему, чтобы пожать руки и обняться. Вера же сидя наблюдала процедуру прощания своего друга с мексиканцами. Вера ждала своей «очереди» с бьющимся сердцем. С одной стороны, после прогулки по пляжу в Калифорнии Юру как подменили, и в Мексике он словно избегал её общества. С другой стороны, сам этот разговор и то, что ему предшествовало, раскрыло их друг перед другом, и отстранённость последних дней не могла быть искренней. Какова же будет развязка?

– Пока, Вера, – сказал он ей, когда вся остальная компания уже расселась по своим местам. – Я уверен, мы скоро снова увидимся. Не скучай. Хочу сказать, что сегодняшний день пошёл тебе на пользу. Тебе идёт быть весёлой. Желаю и вечер провести не хуже. Передавай привет семье, когда вернёшься.

– До свидания, Юра, – это было всё, что Вера придумала сказать ему в ответ.

Конечно же, никакой развязки не будет.

Юра ещё раз махнул всем рукой и ушёл. Вера пару секунд глядела ему вслед. Когда она обернулась к сидящим за столом, то поймала на себе задумчивый взгляд Андрея. Он поспешил изменить позу, убрав руки из-под подбородка, и улыбнулся ей. Она тоже ему улыбнулась.

16

Время до захода солнца они провели у бассейна, распивая коктейли и увлеченно беседуя. Как таковой компании уже не существовало. Она распалась на мелкие осколки, которые незаметно растворились в вечернем мареве. Дольше всех оставался с ними Роналдо, но и он в разговоре не участвовал. Незаметно для себя Андрей с Верой перешли на чистый русский язык, и Роналдо, устав вежливо и смущенно улыбаться, нашёл спасение в наушниках плеера.

Разговор шёл без остановок, но был сбивчивым. Словно оба боялись не успеть сказать или услышать что-нибудь важное в этот первый, последний и, видимо, единственный вечер их знакомства. Пришло время Андрея рассказывать о себе.

Любая судьба уникальна, а судьба эмигранта особенно. Эти люди проживают, как правило, не одну жизнь. Так случилось и с Андреем. Он родился и вырос в Перми. Любящие родители. Оба – врачи. Старший брат танцевал в балете. Поэтому, возможно, младшего Андрея отдали не в балет, а в музыку. Он закончил музыкальную школу, играл на нескольких инструментах. Организовал и был солистом школьного, а затем и студенческого ансамбля. Вся юность озарена славой неформального школьного кумира. Дружба с балетными, да и вообще со всей местной и заезжей «богемой». Одним словом, не юность, а мечта.

В институте учился легко и хорошо. Преград никто не строил, палки в колёса не вставляли. Сын заведующего отделением, Андрей легко попадает в ординатуру, заканчивает её и получает место в отделении городской клинической больницы. В возрасте двадцати лет на чьем-то дне рождения он знакомится с Ириной – примой-балериной Пермского балета. Вопреки прогнозам и мечтам многочисленных воздыхателей, Ирина выбирает Андрея. Все удивлены, и многие недовольны. Но влюблённым до этого нет никакого дела: между ними начался бурный роман длиной в несколько лет, и даже рождение дочки Сони не прерывает их романтических отношений.

Будучи одарённым, много читающим и посещающим все конференции хирургом, обладая тягой к новому и склонностью к перфекционизму, Андрей пытается организовать в больнице эндоскопическое отделение – новшество по тем временам. Получает необходимые разрешения, «выбивает» из муниципалитета деньги на оборудование.

И тут происходят первые неприятности: козни со стороны «консервативных» заведующих. Кому нужно вопиющее эндоскопическое отделение, затмевающее их заслуженную годами славу и могущее пошатнуть незыблемость так называемой классической школы? А затем на страну обрушивается стремительная инфляция начала девяностых. Почти нет сомнений, что первое без второго в итоге было бы преодолено. Но инфляция уничтожила не только мечты о новом оборудовании, но и свела на нет семейный бюджет.

Кто-то из знакомых начинает впадать в тоску со всеми вытекающими последствиями, а кто-то пытается выправить колею жизни. Приятели предлагают Андрею заняться продовольственным бизнесом. А почему бы и нет? Воевать с заведующими – одно дело, а сражаться со всеобщим безденежьем – совсем другое. Он соглашается.

Сначала дело пошло со скрипом: нет ещё нужных связей, «крыши» и других средств достижения успеха из арсенала «лихих девяностых». Но благодаря усердию и настойчивости компаньонов, всё это постепенно появляется, крепнет и начинает работать на них. Довольно быстро они становятся чуть не самыми состоятельными людьми в городе. Ездят на «девятках», говорят по мобильникам. Но бизнес в России всегда был делом опасным, а в те времена и смертельно опасным.

Андрей вынужден скрывать от семьи свои успехи на поприще коммерции. И, как вскоре выяснилось, не зря. Дальнейшие события развиваются по классическому сценарию: к Андрею

наведываются соответствующие люди с угрозами, в результате весь бизнес и большую часть заработанных денег приходится отдать. Андрей возвращается в медицину.

Незадолго до этих событий Ира завязывает переписку с подругой, пару лет назад уехавшей по контракту в Мексику. Подруга очень довольна своей судьбой и уговаривает Иру сделать тот же шаг. Уговоры ложатся на плодородную почву, а окружающая безысходность и серость довершают своё дело. В один прекрасный день Ира озвучивает своё решение уехать из России: в Мехико ей уже нашли достойную работу преподавателем в частной балетной школе.

Андрей пытается жену отговорить, но безуспешно. Решение уже принято ею, и единственным способом сохранения семьи Ира видит их общий отъезд. Андрей, урождённый уралец, оптимистичный и удачливый человек, не то что никогда не представлял себя эмигрантом, но даже не думал о переезде в другой город. К тому же большинство знакомых уезжали по еврейской линии, которая к его собственной линии жизни не имела никакого отношения. Он, разумеется, выступил против всей затеи, но Ира была непреклонна, и в конце концов он понял, что придётся жену отпустить. Соня отправлялась в Мексику с матерью.

Началась странная жизнь «женатого холостяка». Привыкший к уюту и чувству защищённости, Андрей совершенно растерялся: просыпаясь по утрам, он не хочет вставать с постели. Он лежит, подолгу глядя в потолок в тоскливом безразличии к тому, как пройдёт очередной день. Как будто кто-то украл из этих дней их смысл и содержание...

Однако прошёл и этот этап его жизни. Андрей вновь на коне, он возвращается в больницу и с новым пылом берётся за создание эндоскопического отделения. Больше отвлекаться ему не на что: ни бизнеса, ни семьи у него, по сути дела, нет. И вся кипучая энергия пущена в работу, преодоление коллегиальных конфликтов, финансовых трудностей и вновь в работу.

В конечном итоге основные препятствия были пройдены. Отделение начало успешно функционировать. Обрамляя новый виток его судьбы, возникает большое число как друзей, так и завистников. Появляются и женщины, готовые заполнить теплом и заботой его холостяцкую жизнь. На их браке с Ириной к тому времени готовы были поставить крест все, не исключая самых близких людей...

Все, но не сам Андрей. Через год он принимает решение съездить и посмотреть. После довольно продолжительной эпопеи с визой он, наконец, прилетает в Мехико-сити. «Девочки» встречают его с распростёртыми объятиями.

Оказалось, что работа, которую обещала Ире подруга, недолго прослужила источником заработка. Но бойкая Ира уже нашла новое место и уже знала, как помочь зацепиться и мужу.

Что сыграло ключевую роль – тёплые пляжи Акапулько или вновь вспыхнувший роман с собственной женой, сказать трудно, но к моменту, когда самолёт приземлился в Москве, Андрей уже твёрдо знал, что уедет «к своим» в Мексику, что оставит и новое отделение, и старую жизнь. Знал так же твёрдо, как и то, что будет безмерно по всему этому скучать.

...Вера слушала, широко открыв глаза, с ощущением, что читает приключенческую книгу. В ее голове никак не хотело укладываться, что этот милый, открытый, лёгкий в общении, талантливый человек преодолел такие разнообразные и подчас непосильные трудности, сохранив при этом свои лучшие качества, не растеряв самого себя, сохранив семью, любовь, профессию, жизнерадостность.

Позитивное восприятие всех жизненных явлений особенно импонировало Вере. Андрей мог, например, со смехом рассказывать, как однажды чуть не погиб от внутреннего кровотечения и как, едва очнувшись в реанимационной палате после длительной операции, с трубками и катетерами во всех естественных и вновь созданных отверстиях своего тела, не в силах ни говорить, ни шевелиться, ощутил возвращение к жизни благодаря глубокому декольте медсестры, склонившейся над ним с чисто профессиональным интересом, а может, и без всякого вообще интереса. Он с большой теплотой говорил о своих жене и дочери, хорошо отзывался о коллегах, сохранил в душе трепетное отношение к бывшей Родине. Вера слушала его и раз-

мышляла, как по-разному можно воспринимать одни и те же события и явления, и насколько легче, приятнее, продуктивнее наконец это получается у Андрея.

Неожиданно Андрей прервал свой рассказ и предложил Вере уйти с пустующего пляжа. Но Вере не терпелось слушать дальше:

– А что было в Мексике? Как чужой язык? Как удалось вернуться в профессию? Как ты стал главным врачом и профессором? И что в итоге с ностальгией? Она действительно неизбежна?

Андрей лишь смеялся:

– Ты ещё не устала от моих рассказов? Если ты общаешься с американцами, они тебе ещё и не то порасскажут... У них там что ни судьба – то сюжет для книги или фильма. Кстати, Вер, а ты не хочешь сбросить себе на флешку фотографии и видео, которые мы наснимали сегодня на море?

– Но мне так интересно тебя слушать, что не хочется прерываться.

– А мы и не будем прерываться. Но, во-первых, уже солнце зашло, а во-вторых, у нас полно времени. И я ещё десять раз успею тебе надоесть со своими байками.

– А тебе не кажется, что одно противоречит другому? Раз солнце *зашло*, значит, *мало* времени осталось, – улыбнулась Вера.

– Совсем и нет. У тебя во сколько завтра самолёт?

– В одиннадцать утра.

– Ммм... У меня, правда, в восемь. Но всё равно – куча времени! Целых... (он закатил глаза, демонстрируя мысленный подсчёт) ... двенадцать часов!

Вера рассмеялась.

– Да уж... Не думала, что меня можно рассмешить простой арифметикой.

Андрей сохранял деланную серьёзность:

– А что тут смешного? Я что-то не так посчитал?

– Да нет. Математические способности твои на высоте, не придерёшься...

– Вот и замечательно! – обрадовался Андрей, – Пойдём сбрасывать файлы. А ещё лучше давай сходим куда-нибудь, поужинаем.

– Хорошая идея, своевременная. Мне кажется, твои друзья что-то намечали на вечер...

– Хм... А я и не помню. А без них нам будет скучно? – Андрей с невинным видом поднял брови.

– Вовсе нет. Просто я подумала...

– Отлично! Тогда давай я подойду к твоему отелю через... – Он посмотрел на часы. – Сколько времени тебе потребуется, чтобы взять флешку?

Вера на мгновение задумалась. Станный вопрос: взять флешку – одна секунда. Хотя ему самому, наверное, для чего-то нужно время, но он стесняется навязывать ей свой график...

Андрей, словно пытаясь вывести её из замешательства, тут же добавил:

– Я бы с удовольствием принял душ, а то чувствую себя морским ежом, так оброс соляными кристаллами. Море-то здесь настоящее, солёное!

– Ну, тогда давай минут через двадцать увидимся.

– Отлично! Буду у тебя через двадцать минут. До встречи, – добавил он, широко улыбаясь.

Вера вернулась в свой номер и сбросила дневную одежду. Вспомнив слова Андрея, она лизнула свою руку чуть выше запястья. «Солёная», – почему-то с удовлетворением отметила она и отправилась в душ.

17

Андрей ждал её в холле. Он сидел в большом кожаном кресле и не отводил взгляда от дверей лифта. Это стало ясно по той поспешности, с какой он поднялся ей навстречу. Вере бросился в глаза его нарядный прикид: светлые легкие брюки и белая гуаябера: обычно мексиканцы так одеваются на торжества или праздники. Влажные ещё волосы аккуратно уложены. Он весь сиял. Как ей показалось, она произвела на него не меньшее впечатление: Андрей с удовольствием окинул её взглядом, причём не быстро и украдкой, а как-то долго и вдумчиво, словно пытаясь продлить момент созерцания и запомнить увиденное.

– Какая ты красивая! – сказал он с трогательной искренностью в голосе.

Вера только улыбнулась и ничего не ответила. А выглядела она и правда прекрасно: синее открытое платье, туфли на высоком каблуке, немного косметики, старательно уложенные светлые волосы. Облик довершало сияющее выражение лица, скрыть которое у неё уже не получалось. Да и зачем скрывать?

– Ты хотела бы отправиться в город? – спросил Андрей с едва уловимой интонацией, выдающей желание получить отрицательный ответ. А может, и не было никакой интонации, просто Вере самой никуда не хотелось ехать в этот вечер. Так или иначе, она сказала:

– Мы могли бы перекусить и в ресторане отеля...

Нет, всё-таки ей не показалось насчёт интонации, потому что Андрей с большой радостью согласился. Как вскоре выяснилось, ужинать никто особенно и не хотел, и они решили ограничиться чаем с десертом. Когда Вера допивала чай, одновременно косясь на опустевшие десертные тарелочки, её сердце забилося в необъяснимом волнении: вот сейчас чай закончится и что дальше? Надо ведь куда-то идти, что-то делать. Может, зря они не поехали в город: пока туда, пока обратно, смотришь, время бы и прошло. А там глядишь, попрощались бы на пороге лифта в её отеле – и дело с концом. А так он ещё чего доброго подумает, что она принимает его ухаживания: он ведь наверняка отметил про себя, что она красиво одета и в город отказалась ехать. А вдруг это был своего рода тест? Голос Андрея заставил Веру вздрогнуть и оторваться от чашки:

– Я знаю, куда мы теперь пойдём, – как будто прочитав её тайные мысли, сказал он. – Мы пойдём и сбросим фотографии на мой лэптоп и затем на твою флешку. Надеюсь, ты не забыла её прихватить?

– Нет, не забыла, – ответила Вера и ещё больше испугалась и своих мыслей, и всей ситуации. Он подписал счёт, после чего они встали и направились к лифту.

– Я живу на седьмом этаже, – безо всякой надобности откомментировал Андрей нажатие соответствующей кнопки. Больше они не разговаривали до самой двери его номера.

Номер, надо отдать ему должное, оказался шикарный, двухуровневый. Кровать была гигантская, но размер комнаты позволял не чувствовать её преобладания над остальными предметами интерьера. Вера села на широкое кресло подальше от кровати. Андрей, не глядя на неё, достал и подключил свой лэптоп. Затем примостился на ручке кресла рядом с Верой. Вера постеснялась спросить, удобно ли ему в таком неустойчивом положении.

Он тем временем деловито щелкал по клавишам, подключал и отключал съёмные носители, открывал и закрывал какие-то окна на рабочем столе. Наконец, все фотографии были сброшены, и он предложил Вере их просмотреть. Это разрядило обстановку. Они принялись смеяться над сделанными за день снимками и видеозаписями. Особенно порадовала видеозапись стихийного чемпионата по плаванию.

– У меня на флешке тоже есть немного фотографий, – сообщила Вера, когда просмотр был окончен, но скулы ещё сводило от безостановочного смеха. Хотелось эту радость продлить.

– Давай, посмотрим, – охотно согласился Андрей и придвинулся ближе.

Верины семейные фотографии Андрей смотрел с большим интересом, иногда комментируя: «какой приятный у тебя муж», «какой хорошенький сынишка», «красивые горы, это Урал или Альпы?» Когда фотографии закончились, Вера почему-то испытала облегчение. Но тут же снова явился вопрос: «А что дальше?» И снова она не успела ничего придумать, как Андрей сказал:

– Так, перекидываю тебе фотки, и идём гулять!

– Куда?

– На море, конечно.

«На море, *конечно*», – повторила про себя Вера, когда они вышли из отеля и увидели перед собой серебристо-чёрную полосу пляжа. «Он так это сказал, как будто нет ничего более будничного, чем прогулка ночью по морю». Тем не менее нельзя было не отметить, что уже не в первый раз за этот вечер он безошибочно предугадывал её мысли. Это подкупало и создавало в душе тёплое чувство уверенности и защищённости.

Вода была тёмная, тяжёлая, необычайно гладкая и блестящая, словно ртуть. Лишь тонкой рыжеватой полоской над горизонтом напоминал о себе уходящий день, невозвратно тающий в южной ночи.

Андрей остановился рядом и легонько, будто бы случайно, прикоснулся к Вериной руке. Вера вздрогнула и незаметно отстранилась.

Они медленно пошли вдоль берега. Крупный белый песок засасывал в себя стопы, словно хотел остановить путников. Вера решила зайти в тёплую полосу прибоя. Здесь влажный песок уходил под откос. И тут же оказалось, что волны только выглядели безобидными. Первая из них мощно и уверенно поволокла Веру за собой вместе с песком, за который Вера безуспешно пыталась цепляться пальцами ног, а затем и рук. Андрей быстро распознал, что происходит с его спутницей, и бросился в воду. Когда, хохоча и отдуваясь, они выбрались из коварных волн, она увидела, что добрая половина её платья и туфли, которые она держала в руках, промокли. Со штангин и ботинок Андрея тоже стекала вода.

– Ну что, продолжим прогулку или возвратимся в отель? – спросил Андрей.

– Лучше, наверное, в отель, – призналась Вера.

Обсуждая свою беспомощность перед морской стихией, они пошли обратно.

Но чем ближе они подходили к дверям гостиницы, тем сумбурнее становилось на душе у Веры. Разговор прервался. Хотя они шли на некотором расстоянии друг от друга, ей казалась совершенно неминуемой новая попытка его прикосновения. Однако она уверяла себя, что этим всё и должно закончиться. Просто обязано... Ведь она замужем, и все у неё прекрасно... И вообще... немисливо, чтобы замужняя женщина, которая три дня назад испытала притяжение к чужому мужчине, которая теперь считала это ошибкой и страдала от последствий этой ошибки... чтобы она позволила новому случайному знакомому вот так вот взять и прикоснуться к себе! Ну уж нет!

Вера шла, глядя себе под ноги, боясь поднять взгляд и тем самым выдать свои мысли. Он же словно чувствовал её состояние: шествовал на «пионерском» расстоянии и хранил молчание.

К тому моменту, когда двери отеля распахнулись и их обдало ярким светом электричества, Вера окончательно выработала тактику действий: если он предпримет попытку сближения, она немедленно отстранит его. Это будет правильно. Заодно и оплатит за своё ущемлённое несколько дней назад женское самолюбие. Пускай восторжествует если и не справедливость, то хотя бы закон равновесия. И главное – она сохранит остатки уважения к себе.

Он пропустил её вперед, и они оказались в холле отеля.

– Ты не замерзла? – спросил Андрей, глядя на то, как его спутница вся дрожит.

– Ничуть. Я, наверное, пойду к себе? – Вера почему-то придала вопросительную интонацию уже заготовленному утверждению.

– Категорически не согласен. Во-первых, ты замерзла. Тебе надо обсохнуть. Во-вторых, ты хотела дослушать мою историю.

Уходить было неудобно. Дрожала она, конечно, не от холода, но он об этом не знал. Да и смотрел на неё Андрей открытым взглядом, к тому же собирался ещё что-то рассказать, а другого времени у них не будет. Но, самое главное, ей самой ужасно не хотелось прощаться.

– Так и быть, идём в кафе! – неожиданно для себя провозгласила Вера, и так хорошо и благостно стало вдруг у неё на душе! Сразу же вернулось ощущение той детской радости, что сопровождало её весь этот чудесный день.

В это время в отель зашёл возвратившийся с ужина Роналдо. Он увидел стоящих посреди холла Андрея и Веру и направился к ним. Андрей радостно пошёл к нему навстречу. Они обсудили что-то по-испански, затем Роналдо стал от чего-то отказываться, с улыбкой чеширского кота поцеловал Веру руку и распрощался. Когда Роналдо ушёл, они направились к бару.

В баре играл небольшой оркестр. Спокойная, мелодичная музыка, такой же мягкий диван и Strawberry Margarita создали атмосферу невыразимого уюта. Андрей посмотрел на разомлевшую Веру:

– О-о-о! Да ты совсем устала, бедная моя. А я тебя всё мучаю.

Одной рукой он обнял её за плечи, а другой очень бережно склонил на своё плечо её голову. Уже плохо что-либо соображавшая Вера услышала, как прерывисто он вздохнул, затем его пальцы нежно погладили её голову и легонько скользнули по правой ключице. Все «коварные» Верины планы вдруг разлетелись вдребезги и растворились в райском мгновении. Она почувствовала жгучее, сносящее всё на своём пути желание.

– Не здесь... – прошептала она и поднялась с дивана. С трудом удерживаясь на ногах, она направилась к лифту. Андрей следовал рядом, бережно обнимая её за талию горячей ладонью.

– Седьмой этаж, я помню, – тихо сказала она, и двери лифта закрылись за ними.

На столике бара остались стоять пара бокалов с едва отпитым розовым коктейлем.

Часть третья

18

День девятнадцатого сентября с самого утра обещал быть удачным. Об этом говорило множество признаков, начиная с погоды. На дворе стояло бабье лето, и невостребованное Верино пальто так и пролежало весь день на заднем сиденье автомобиля. Сама Вера, не надеясь найти парковочное место в центре города, оставила машину у торгового центра и отправилась в офис пешком в одной блузке, жмурясь и нежась под ласковым солнцем. Ещё утром позвонили из банка и сказали, что кредит подтверждён и можно подписывать договор. Это означало, что через несколько дней Вера заберёт из салона свой новенький автомобиль.

В офисе её ждали ещё более приятные сюрпризы: несколько новых писем в почтовом ящике. Два из них, правда, были от пациентов, зато остальные четыре – прямо как на подбор – от инвестора, от будущего арендодателя, от спонсора нового исследования и от «москвичей». Такого урожая хороших новостей, полученных одновременно, она не ожидала.

Инвестор уведомлял о том, что согласен на предложенные ею условия. Это ж как надо было расположить к себе педантичного бизнесмена, чтобы он дал согласие на вложение довольно серьёзной суммы под её устные заверения «вывести проект в ноль» к концу второго года. Это была первая победа! Во втором письме арендодатели подтверждали возможность сдать ей в аренду помещение, о котором она мечтала уже полгода. В третьем содержалась информация от спонсора о том, что их центры в поликлинике и районной больнице одобрены для проведения нового клинического исследования. Само по себе это было восхитительно, но предстояло ещё проработать детали договора. При его согласовании могли возникнуть разного рода трудности, не все из которых можно было преодолеть уверениями в особой компетентности и широкой улыбкой. Но пока об этом лучше не думать, чтобы не омрачать радостного момента. А уж о последнем, четвертом письме и мечтать-то не приходилось. Письмо это было от проектного менеджера из Москвы, из той компании, о которой ей неоднократно рассказывал Борис.

С Борисом Веру познакомил Юра ещё во второй её приезд в Америку. Он тоже был родом из Новосибирска, года на четыре старше Юры, но внешне, да и по характеру, являл собой почти полную его противоположность. Забавно, что и побережье Америки он выбрал противоположное: жил Борис в штате Массачусетс, недалеко от Бостона. Невысокого роста, плотного телосложения, вдумчивый, спокойный, даже скорее тихий, он привлекал каким-то тонким, не рассчитанным «на публику» язвительным остроумием.

Несколько лет назад, уже будучи американским гражданином, Борис работал в Москве, и у него там образовалось множество друзей и знакомых. На них-то Борис по мере надобности и «выводил» Веру. Замечательным было то, что, кому бы она ни позвонила по рекомендации Бориса, все выражали неподдельную радость, а при встрече оказывались милейшими людьми. Такие совпадения не могли быть случайными, и Вере приятно было сознавать, какой удивительный круг общения формировался у неё благодаря знакомству с «американцами».

Так вот, нынешние «москвичи» были компанией, сходной с Вериной по роду деятельности и организации процесса. Разве что их бизнес отличался более значительными стартовыми инвестициями и, соответственно, большим размахом и несколько «раздутым» штатом сотрудников. В остальном же – «братья по разуму».

В письме своём проектный менеджер излагал философию их компании и видение перспектив сотрудничества с «Санкт-Петербургом и Северо-Западом». Вера была польщена: её ни разу ещё никто не отождествлял с целым городом, и уж тем более с регионом. Из письма

выходило, что у них вполне может получиться «некий консорциум». В заключение её приглашали в Москву на переговоры.

Прочитав все письма, Вера с радостным сердцем переслала всю корреспонденцию Юре и Борису (пусть тоже порадуются), откинулась на спинку кресла и с наслаждением потянулась. Неужели это не сон? Когда мечта исполняется, всегда испытываешь чувство благодарности к судьбе. Но когда исполняется несколько желаний одновременно, вслед за благодарностью почти сразу же приходит сомнение: а нет ли тут какого подвоха? Не ошиблась ли фортуна и не поспешит ли она исправить свою оплошность?

Дело, которое организовали они в России с Юрой и Борисом, было новым не только для учреждений здравоохранения, но и для местных филиалов компаний спонсоров. Правовая и регуляторная путаница вела к тому, что продвижение по этому пути напоминало продвижение первопроходцев по джунглям, с вырубкой растений, плотной стеной преграждающих путь. Казалось, нет просвета в непроходимых зарослях. Порой опускались руки от усталости, сознания беспомощности и неизвестности. В такие минуты хотелось всё бросить и вернуться обратно, в привычную колею. Но уже такой длинный коридор был прорублен, что чем дальше, тем обиднее было разворачиваться и возвращаться. Вера и её друзья-учредители находили утешение в надежде, что прорыв уже совсем близок, что он приближается с каждым ударом мачете по стволам упрямых лиан.

И вот что-то подобное случилось сегодня, подводя итог двум годам самоотверженной борьбы с косностью и пугливостью системы. Однако на душе у Веры было беспокойно. С одной стороны, она понимала, что заслужила некое вознаграждение за свой труд, но с другой стороны... Была ли она прирождённым бизнесменом и менеджером? Был ли это её путь?

Сомнения эти витали где-то рядом с самого начала, с тех пор как она решила сократить свою врачебную практику и организовать компанию. С подобными сомнениями она научилась мириться, а затем и справляться. Но присоединилось к ним и что-то новое.

От размышлений её отвлёк телефон: её ждали к двум часам в клинике, где она вела приём пациентов два раза в неделю. У неё оставались полчаса ответить на письма и час на обед и дорогу. Следовало поспешить.

19

В кабинет вошла последняя за сегодняшний день пациентка.

– Вера Юрьевна, я бы хотела пройти полное обследование, – сказала, улыбаясь, милостивая рыжеволосая женщина.

– Конечно, всё сделаем. Вас что-то беспокоит?

– Нет, ничего не беспокоит. Но я бы хотела знать наверняка, что здорова.

Рыжеволосая дама была постоянной Вериной пациенткой, причём сама работала в стоматологической клинике. По мере разговора выяснилось следующее: у дамы помимо супруга был «постоянный партнёр». Так вот, этот партнёр вместе со своей женой в настоящее время обследовался по поводу ненаступления беременности. В процессе обследования у жены нашли какую-то малозначимую инфекцию, но на всякий случай советовали пролечить её вместе с мужем. Узнав об этом, Верина пациентка тоже решила проверить состояние своего здоровья, дабы «не быть причиной проблем» у жены своего партнёра.

– Он так переживает за неё, – рассказывала она Вере с участливым выражением на лице. – Они бьются над этой беременностью уже год, и пока безрезультатно.

Постепенно разговор ушёл в сторону от проблем со здоровьем. Дама оказалась весьма общительной, а Вере и самой хотелось сегодня с кем-нибудь поговорить. Они обсудили работу, семью, воспитание детей. Вера невольно разглядывала свою собеседницу. У женщины были милостивые черты лица и плавная, правильная речь. На лице жила бессменная улыбка, а в глазах светились искорки особого свойства – из тех, что безошибочно выдают людей, ощущающих себя счастливыми. Пациентка и не скрывала этого. Она с удовольствием рассказывала Вере, как она довольна жизнью. Она хвалила своего шефа, сотрудников, с которыми работала, мужа, сына, любовника. Она пребывала в полной гармонии с самой собой и окружающим миром, и от избытка этой гармонии она желала счастья даже жене своего любовника и вообще всем вокруг.

Вера с особого рода уважением относилась к женщинам, умеющим одновременно иметь работу, семью, любовника и при этом ещё прекрасно выглядеть и быть милыми в обращении. Иногда эти героические дамы помимо всего вышеперечисленного вкалывали на двух работах, имели по двое детей, а в придачу ещё хобби и непременно собаку.

Однако Вере многое было неясно в их мире. Каждый компонент жизни был для них одинаково важен, даже неотъемлем. Без него не могло быть ощущения гармонии. Они умели одновременно любить и мужа, и любовника, и собаку, не обделяя никого своим вниманием и заботой. И на работе они, даже если не занимали административной должности, то уж, как минимум, были ценными кадрами. Как им это удавалось, Вера не знала. А самой необъяснимой была способность этих женщин *поровну* разделять не только своё время, но и свои чувства между составляющими их жизненной гармонии, не страдая внутренними конфликтами, переходящими в невроты, а наоборот – сохраняя спокойствие и одаряя избытком своего позитива окружающих. «Возможно, это у меня устаревшие понятия? – думала Вера, – или отголоски юношеского максимализма не дают покоя?»

Сдав, наконец, все необходимые анализы, пациентка удалилась, оставив Веру наедине с незаполненными медицинскими документами и собственными мыслями. Мысли, за неимением лишнего времени, пришлось сразу же прогнать и заняться написанием амбулаторных карт. Рабочий день подходил к концу, и медсестры с администраторами засобирались по домам. Вера слышала шум закрываемых шкафов, дверей, щелчков отключаемой аппаратуры. Завершив работу с бумагами, она собрала вещи, сняла халат и собиралась было выключить компьютер, как вдруг подумала, что надо проверить почту перед уходом – а вдруг Юра или Борис уже ответили ей что-нибудь. Или спонсоры прислали договор на рассмотрение.

Так и есть – одно непрочитанное письмо. Посмотрим... Отправитель – Андрей Ливанов. Андрей...

«Здравствуй, Вера, – начиналось его письмо. – Рад тебя приветствовать. У вас в Питере уже осень и, наверное, идут дожди. А вот у нас тепло, даже жарко. И небольшой дождик бы не помешал. Как ты поживаешь? Решил вот проверить, работает ли твой электронный адрес. Как ты добралась домой из Канкуна? Извини, глупо спрашивать „как добралась“ спустя три месяца. И всё-таки? У меня, как всегда, дел по горло. Вчера было три операции. Сегодня две, так что немного посвободнее. А я вот по какому поводу обращаюсь: в Петербурге часто бывает мой брат. Он ездит туда регулярно по делам. А я не помню, говорил ли тебе о том, что мы с ним хотели открыть в Перми частную клинику. Я рассказал ему, что есть в Питере человек, лучше которого никто не понимает в частной медицине. Не могла бы ты показать ему клинику, где ты работаешь, и рассказать, что надо иметь, чтобы клиника функционировала и приносила доход? Короче, провести что-то вроде медицинского ликбеза? Если, конечно, у такой занятой девушки, как ты, найдётся время. Буду признателен». Далее следовала подпись.

Вера читала, стоя у компьютера и держа на плече сумку. Ответить на незатейливое письмо было проще простого, но печатать стоя было неудобно. Пришлось вновь принять сидячее положение, несмотря на откровенные намёки медсестры о желании закрыть кабинет. «Одну секундочку, я уже заканчиваю», – сказала Вера, и её пальцы быстро забегали по клавиатуре:

«Здравствуй, Андрей. Рада получить от тебя письмо. Приземлилась я благополучно, а электронный адрес работает. Занятость у меня тоже безумная. Вроде твоей, только операций чуть меньше. Зато масса других „развлечений“. Но кому, как не тебе, лучше всех известна способность суток растягиваться, когда это необходимо. Так что время для твоего брата найдётся. Пусть он мне звонит. До связи, Вера».

Вера поспешно выключила компьютер, подхватила сумку и вышла на улицу. Вечер был тёплый, несмотря на то, что уже стемнело. Совершенно не хотелось садиться в машину, но куда деваться? Вера вздохнула, повернула ключ в замке зажигания и открыла оба окна. Ветерок приятно обдувал усталое лицо. Бочелли звучал сегодня как-то по-особому: то ли грустнее, то ли тревожнее.

По дороге она невольно принялась прокручивать в голове события сегодняшнего дня и составлять планы на завтра. Итак, по порядку: надо будет зайти в банк и заключить договор, затем договориться о встречах с инвестором, спонсорами и арендодателем. Решить, когда ехать в Москву. Может, они ещё что-нибудь напишут? ...Почта... Поток мыслей споткнулся о письмо из Мексики. Уж с ним-то точно никаких планов на завтра не было связано. Но почему-то мысли вновь и вновь к нему возвращались. «Всё-таки он написал... Но почему „всё-таки“? Просто взял и написал. Появился повод, вот и написал. Прекрасно, встречу его брата, покажу клинику. О чем тут ещё думать?» Но мысли не отпускали. И Вера вдруг принялась вспоминать...

Ночь. Он провожает Веру к её отелю. Они выходят на пляж. Прямо перед ними с едва слышным плеском шевелятся зыбкие блики моря.

– Мне не хочется с тобой расставаться, – вдруг говорит он ей. – До самолета ещё несколько часов. Может, останешься у меня?

– Андрей, тебе вставать в пять утра, а мне всё-таки в восемь. Поэтому мне лучше заснуть в своём номере. Я бы хотела выспаться перед долгим полётом.

– Конечно. Понимаю.

Дальше они идут молча. Вот здесь надо сворачивать с пляжа на дорогу, а через три минуты они уже возле отеля Hyatt. Вера останавливается у дверей лифта.

– Я провожу тебя до номера, – говорит Андрей в ответ на её взгляд, предлагающий прощаться.

Они поднимаются и заходят в номер. Он обнимает её как-то особенно нежно и говорит, заглядывая в глаза:

- Я буду по тебе скучать...
- Не стоит, – отвечает она и, целуя его, тихонько увильивает от ответного поцелуя.
- Сегодня был лучший день конгресса, – тихо смеётся он.
- Да, это так.
- До свидания. Может, ещё увидимся...
- Кто знает...

Он уходит. Вера скидывает платье, забирается под одеяло и в ту же минуту засыпает.

Короткого утра едва хватает на завтрак и незамысловатые сборы. И вот она уже мчится на такси в аэропорт Канкуна... Небольшой шопинг – и для всей семьи готовы подарки из Мексики... Потом – первый короткий рейс до Мехико.

«А вдруг он *там?*» – врывается в голову никчёмный вопрос. «Он знает мой рейс и может дожидаться меня в аэропорту». И глупенькая, но юркая надежда преступно проникает в Верин мозг, находя там для себя кратковременный приют.

Конечно, в аэропорту Мехико никто её не ждёт. И через пару часов, уже свободная от ненужных надежд и сопряжённых с ними тревог, Вера летит в Петербург. И чем ближе к европейскому побережью Атлантики, тем дальше отодвигаются американские воспоминания, пока и вовсе не исчезнут в дымке покинутого горизонта...

... Чтобы исподволь потом возвращаться... Не часто: по дороге на работу или перед сном. В виде короткой горячей волны (воспоминания тела) и его смеха, зачем-то сохранённого и возвращаемого слуховой памятью.

Поначалу она ждала от него письма. Даже не то, чтобы ждала. Просто ей казалось, что он не сможет не написать ей что-нибудь – слишком уж откровенной, слишком нежной и трепетной была их неожиданная близость. Потом она связала это напрасное ожидание со своей неопытностью в сфере «курортных романов». Она знала, пускай и понаслышке, что такие романы не имеют продолжения. С какой стати считать их с Андреем исключением? И Вера перестала ждать.

А сегодня зачем-то пришло от него письмо. «Вот и отлично, – вздохнула Вера, стряхивая с себя остатки воспоминаний и сворачивая на автомобильную стоянку у дома. – Пусть звонит его брат».

20

Дни побежали стремительно, но совсем по-новому. Теперь у Веры не оставалось времени не то что на размышления, а иной раз и на обед. Бурная деятельность в компании начала конфликтовать с врачебной практикой, и часть эмоций, сил и времени приходилось тратить на разрешение этого конфликта.

Главврач требовал увеличить число приёмов, ссылаясь на запись больных, которая шла на три-четыре недели вперёд. Вера отбивалась как могла. Приёмы непозволительно «раздувались», важные дела стали всё чаще откладываться на потом, а сил оставалось всё меньше. И все вокруг требовали Вериного внимания и, соответственно, времени: две работы, муж, ребёнок, мама, встречи со стратегическими партнёрами по бизнесу, научные статьи для диссертации мужа, а тут ещё и поездки начались. Это были стартовые совещания по вновь утверждённым и планируемым исследованиям. «Не хватает только собаки и любовника», – сама над собой подтрунивала Вера, чувствуя себя уже не белкой в колесе, а бельём в барабане стиральной машины: поток событий закручивал её, выжимая из жизни что-то важное. А что именно – не было времени разобраться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.